

18+

Урал Кашапов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

(XVIII — первая половина XX вв.)

Урал Кашапов

**Антропологические основания
русской философии
и социологии права. (XVIII —
первая половина XX вв.)**

«Издательские решения»

Кашапов У.

Антропологические основания русской философии и социологии права. (XVIII — первая половина XX вв.) / У. Кашапов — «Издательские решения»,

В монографии предпринята попытка проследить истоки и развитие антропологических оснований отечественной философии и социологии права, показать теоретическую ценность и значимость антропологических воззрений русских мыслителей, выявить внутреннюю проблемно-смысловую глубину их размышлений о человеке. Для студентов и преподавателей философских и юридических факультетов, а также для тех, кто интересуется отечественной философской мыслью.

© Кашапов У.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1.	13
§1. Становление российской юридической науки и в рамках нее антропологических парадигм	13
§2. Правоантропологическая проблематика в трудах С. Е. Десницкого и А. П. Куницына	25
§3. Антропологические измерения в правовых воззрениях Н. И. Тургенева и К. А. Неволлина	38
Глава 2.	48
§1. Антропологический синопсис философии права Б. Н. Чичерина	49
§2. Правоантропологические парадигмы философии права С. Л. Франка	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Антропологические основания русской философии и социологии права (XVIII — первая половина XX вв.)

Урал Кашапов

© Урал Кашапов, 2026

ISBN 978-5-0071-3166-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Проблема бытийственности человека и ее смысла представляется одной из вечных философских проблем. Она возникла и имеет длительный этап осмысления с тех времен, когда человек начал задумываться — кто он и зачем он. Как справедливо пишет известный философ Б. Т. Григорян, проблема эта вечна, но она и вечно новая, поскольку постоянно изменяются условия жизни человека, ее содержание, меняется и сам человек. Всякий раз она становится проблемой иного человека, ибо он живет уже в иных исторических условиях, решает иные задачи своего времени. Она становится проблемой человека, иначе мыслящего, иначе чувствующего и иначе понимающего мир. Проблема человека будет неизбежно вставать перед человечеством, настоятельно требуя своего решения¹.

Человечество разрабатывает масштабные космические преобразования, осуществляет проекты в области генной инженерии, все больше работает над компьютерной насыщенностью всех сфер жизни, увеличивая техногенность общества, соизмеряет человека со сложностью машины. И забывает о своей сущности. Но в то же время бесспорным становится тот факт, что, если любое преобразование в политической, социальной, экономической или духовной сфере не соотносено с человеком, то оно обречено на провал. По этому поводу П. С. Гуревич очень метко сказал, что все чаще оказывалось очевидным, как непоправимо и длительно мстит за себя пренебрежение к философскому постижению человека².

Культурная и цивилизационная элиминация российской правовой системы ведет к выхолащиванию предметов антропологии права, философии человека, юридической этнологии и сравнительного правоведения, которые призваны через раскрытие сущности и особенностей прежних правовых институтов взглянуть на нынешнюю правовую жизнь и место человека в ней.

Модернизация экономической и социальной системы, происходящая в современной России, предполагает в своей основе демократизацию всех сторон жизнедеятельности общества, в том числе, и обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Данный процесс протекает в специфических социокультурных условиях, определенных историческим развитием российского государства, что вызывает необходимость обращения к историческому наследию российской философской и правовой мысли. Особенности цивилизационных преобразований современного российского общества, генезис и трансформация которых должны быть тщательно проанализированы социальными науками, в том числе философией и социологией права, определяют эффективность функционирования правовой системы по обеспечению прав личности. Подобный теоретический анализ предоставляет практическую возможность на основе полученных данных, используя сравнительно-исторический метод, подготовить научную основу для определения значимости прав личности в процессе смены социальных систем, что особенно важно в переживаемый переходный период в жизни российского общества.

Дореволюционная российская философско-правовая и юридическая мысль, изучая права личности, и в целом человека, накопила и обобщила ценный научный опыт, внося в него много оригинальных и уникальных идей; она продемонстрировала различные методологические подходы и теоретические установки, которые соотносимы по интеллектуальному совершенству с современной юридической и философской наукой. Исследование концепций отечественных философов, социологов и правоведов прошлого позволяет смело апеллировать к их авторитету, предоставляет возможность сделать опору на интеллектуальную традицию России, несущую как отпечаток своеобразия российской истории, так и отпечаток общечивилиза-

¹ Григорян Б. Т. Философия о сущности человека. М.: Политиздат, 1973. С. 6.

² Гуревич П. С. Философия человека. Ч. 1. М.: ИФ РАН, 1999. С. 5.

ционных процессов. Это обращение к историческим корням российской философско-правовой мысли способствует развитию правового сознания, повышению уровня правовой культуры российского общества, преодолению правового нигилизма и безразличия по отношению к правовым ценностям, что, безусловно, имеет большое значение в условиях формирования правового государства.

Нам представляется, что современной юридической и философской наукой не вполне достаточно уделено внимания отечественному опыту в области изучения места человека и его сущности в правовом пространстве. И в этой связи также важно обращение к богатейшему идейному наследию передовой русской философско-правовой мысли, плодотворно развивавшейся в конце XIX — начала XX вв. Выбор настоящей темы в качестве исследования был предопределен необходимостью восстановления заслуженного места русской философско-правовой мысли конца XIX — первой половины XX вв.

Актуальность темы исследования обусловлена еще и тем соображением, что в современном российском обществе протекает неоднозначный и сложный процесс становления новых идеологических составляющих, духовно-нравственных векторов, связанных с возрождением патриотических и общенациональных традиций. Целостному изучению феномена человека предъявляет требования сама современная ситуация, осложненная многими факторами. Много в современной истории будет зависеть от того, в каком плане российский человек будет осознавать себя личностью, духовно-нравственным существом, насколько верно он будет оценивать свою жизнь и жизнь современного ему общества. Россиянин не может позволить себе быть равнодушным по отношению к своей Родине, к себе и другим членам общества.

Обращение к антропологическим канонам русской философии и социологии необходимо еще прежде всего и потому, что труды отечественных мыслителей нацелены на выявлении сущности человека созидательного, предназначенного к активному и творческому преобразованию окружающей действительности.

Отечественные мыслители: и философы, и правоведы — были глубоко убеждены в том, что в основе человеческого сообщества лежит духовное начало. Современное состояние нашего российского общества и российский менталитет лишний раз подтверждают эту мысль. Духовная растерянность, скепсис, идеологическая опустошенность являются следствием отсутствия общей духовной основы и системы общепринятых ценностей и причинами национальной деградации.

История русской философии с убедительностью показывает, что русских философов всегда занимали размышления о человеке и они были ключевыми для философской русской мысли независимо от направлений. Следует констатировать с определенной долей уверенности, что в русской философии присутствуют две традиционные линии — индивидуализм, присущий западному мышлению — однако он приобрел ряд специфических черт на русской почве; и соборность, ставшая одной из магистральных тем и особенностей русской философии. Нынешнее внимание к отечественной святоотеческой духовной традиции и, прежде всего, к наследию русских философов и правоведов позволяет выработать новую систему ценностей, опирающуюся на отечественный опыт, вернуть подлинное значение и смысл человеческому существованию.

Русская философско-правовая мысль, в нашем представлении, совершила на своем историческом пути важный поворот в сторону оценки и места человека в мире. Для отечественных философов, социологов и правоведов, особенно представителей религиозного направления, аксиологическая значимость человека заключается, прежде всего, в том, что он несет в себе образ и подобие Божие; он является «сотворцом» Бога в преобразовании окружающего мира, при этом изменяя и свой духовный облик.

В исследовании предпринята попытка проследить истоки и развитие антропологических оснований отечественной философии и социологии права, показать теоретическую ценность

и значимость антропологических воззрений русских мыслителей, выявить внутреннюю проблемно-смысловую глубину их размышлений о человеке. К сожалению, в последнее время приходится констатировать тот факт, что, имея в своем арсенале колоссальное теоретическое богатство, представленное трудами русских мыслителей, общество ни на уровне массового сознания, ни в академических кругах не в полной мере воспользуется им. Обилие рассуждений в нашем обществе о ценности человека и личности по-прежнему не позволяет считать личность высшей самоценностью — она остается все еще в статусе некой абстрактной социальности или является средством для решения определенных целей и задач.

В этом отношении теоретическое наследие русских мыслителей, особенно Б. Н. Чичерина, С. Л. Франка, П. А. Новгородцева, Л. И. Петражицкого, В. С. Соловьева, А. Д. Градовского, С. А. Муромцева, Е. Н. Трубецкого, Б. А. Кистяковского, Б. П. Вышеславцева, Н. Н. Алексеева, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, весьма трудно переоценить. Общим рефреном их антропологических изысканий проходит линия, указывающая на стремление к освобождению человека от бездуховности, в обращении к его творческому потенциалу, к раскрытию всех его возможностей, базирующихся на свободе и творчестве. Человеческая личность представляется как творческая возможность для реального преобразования окружающей социальной действительности. Владимир Соловьев писал: «Человеческая личность и, следовательно, каждый единственный человек есть возможность для осуществления неограниченной действительности, или особой формы бесконечного содержания»³.

С. Е. Десницкий, А. П. Куницын, Н. И. Тургенев, К. А. Неволин, Б. Н. Чичерин, С. Л. Франк, П. А. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, В. С. Соловьев, А. Д. Градовский, С. А. Муромцев, Е. Н. Трубецкой, Б. А. Кистяковский, Б. П. Вышеславцев, Н. Н. Алексеев, И. А. Ильин, Н. А. Бердяев — все эти имена слиты в единстве приверженности общечеловеческим принципам миропонимания и мироощущения. Они солидарны в оценках важнейших вопросов человеческой бытийственности. В этой связи с полным правом можно вести речь не только о существовании социологического течения в философии и социологии права, но и о существовании антропологии этих отраслей знания.

Актуальность изучения проблемы человека в русской философии и социологии права конца XIX — первой половины XX веков определяется также необходимостью рассмотрения ее как целостного явления. Ее изучение позволяет вести речь о существовании особого течения в отечественной философии и юриспруденции. Русская философская и юридическая антропология... Под этим понятием мы понимаем взгляды, суждения, размышления Б. Н. Чичерина, С. Л. Франка, П. А. Новгородцева, Л. И. Петражицкого, В. С. Соловьева, А. Д. Градовского, С. А. Муромцева, Е. Н. Трубецкого, Б. А. Кистяковского, Б. П. Вышеславцева, Н. Н. Алексеева, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева — на сущность человека, смысл его бытия, все стороны и составляющие его сущность, а также предназначение и роль в обществе и окружающем мире.

Рассмотрение данной проблемы дает возможность обнаружить общие основания, которые придают целостный характер их философскому и правовому творчеству.

В самой философии и социологии права, по нашему мнению, представлены две ветви: гуманистическая — Б. Н. Чичерин, П. А. Новгородцев, С. А. Муромцев, Н. Н. Алексеев и православная — В. С. Соловьев, С. Л. Франк, Ильин, Н. А. Бердяев. Основанием для такого деления (в определенной степени условного) выступает степень влияния православной христианской традиции и западноевропейской философии на их творчество.

Теоретическая и практическая значимость представленной проблемы объясняется еще и тем, что непредвзятое обращение к идейным и методологическим истокам антропологии русской философии и социологии права позволяет говорить о гармоничном сочетании в них

³ Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. / Составление, общая ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 282.

западноевропейских и православных традиций. Данное обращение к антропологической проблематике русской философии и социологии права в значительной степени способствует определению перспектив развития отечественной философии, обращенных к образу человека.

Краткий анализ проблемы актуальности темы исследования показывает, что поднятая тема имеет важное теоретическое и практическое значение. Теоретическая значимость заключается в теоретической реконструкции системного и целостного взгляда на человека, представленного в отечественной философии и социологии права. Практическое значение — в попытке очертить наиболее важные акценты в современных философских и правовых исследованиях, целью которых является выработка обновленной идеологической системы, обеспечивающей высший приоритет нравственных ценностей перед материальными и относящейся к человеку как высшей универсальной и уникальной ценности общества и государства.

Воззрения на человека С. Е. Десницкого, А. П. Куницына, Н. И. Тургенева, К. А. Неволина, Б. Н. Чичерина, С. Л. Франка, П. А. Новгородцева, Л. И. Петражицкого, В. С. Соловьева, А. Д. Градовского, С. А. Муромцева, Е. Н. Трубецкого, Б. А. Кистяковского, Б. П. Вышеславцева, Н. Н. Алексеева, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева не раз были предметом научного рассмотрения.

Первую группу работ по указанной проблематике составляют труды философов второй половины XIX — начала XX вв. и русского зарубежья (Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Л. М. Лопатин, Н. О. Лосский, Г. В. Флоровский)⁴, в которых рассматривалось мировоззрение философов и правоведов в целом; но в них не затрагивалось подробно идейно-теоретические истоки их антропологии, хотя и обращалось внимание на влияние Канта, Гегеля, Шопенгауэра и др. и православных традиций на ее становление.

Работы общего характера рассматривали философские и правовые проблемы человека в целом и уделяли внимание месту человека в правовом пространстве, роли права в его жизнедеятельности, не касаясь многих антропологических составляющих человеческой сущности⁵.

⁴ Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. Paris, Ymca—Press, 1989. С. 205—214; С. 463—487; С. 529—622.; Зеньковский В. В. История русской философии в 2—х т. Paris, Ymca—Press, 1989. С. 11—73; С. 331—351; С. 413—458; Лопатин Л. М. Философские характеристики и речи. М.: Academia, 1995. С. 107—199; Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. С. 92—154; С. 173—182; С. 201—268; Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Paris, Ymca—Press, 1988. С. 462—472; С. 382—391; С. 493—495; С. 493—498; С. 490—493.

⁵ Алексеев П. В. Философы России XIX—XX столетий: биографии, идеи, труды. М.: Академический Проект, 1999; Алексеев С. С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: Норма, 1998; Альбов А. Г. Теоретико—методологические основания философии права. СПб.: Санкт—Петербургский университет МВД, 1998; Альбов А. П. Отношение права и нравственности в русской философии права конца XIX начала XX веков. СПб.: Санкт—Петербургский университет МВД России, 1998; Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925—1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. К.: Феникс, 2000; Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005; Байбаков В. Ю. Теоретико—правовые аспекты русского либерализма XIX — начала XX века. Курск: Курск, гос. техн. ун—т, 2001; Бачинин В. А. История философии и социологии права. СПб.: Изд—во Михайлова В. А., 2001; Бибихин В. В. Новый ренессанс. М.: МАИК «Наука», «Прогресс—Традиция». 1998; Бродский А. И. В поисках действенного этоса. Обоснование морали в русской этической мысли XIX в. СПб, 1999; Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб.: Изд—во Юридического института, 1999; Власть и право: Из истории русской правовой мысли / сост. А. В. Поляков, И. Ю. Козлихин. Л.: Лениздат, 1990; Глушкова СИ. Права человека в России: теория, история, практика: Учеб. пособие. М.: Права человека, 2003; Глушкова СИ. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург: Изд—во Гуманитарного ун—та, 2001; Горбунов В. В. Идея соборности в русской религиозной философии. М.: Феникс, 1994; Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль в России второй половины XVIII в. М.: «Наука», 1984; Евлампиев И. И. История русской метафизики в XIX—XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. СПб.: Алетейя, 2000; Емельянов Б. В. Русская философия права: История становления и развития. Екатеринбург: Изд—во Урал, ун—та, 2005; Емельянов Б. В., Новиков А. И. Русская философия серебряного века. Екатеринбург: Изд—во Урал, ун—та, 1995; Ермичев А.А. О философии в России: Исследования. Полемика, заметки. СПб: Изд—во СПбГУ, 1998; Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд—во Петрозаводского ун—та, 1996; Жуков В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М.: Юрлитинформ, 2013; Жуков В. Н. Проблема истины в православии. Нижний Новгород: Изд—во Волго—Вятского кадрового центра, 1993; Жуков В. Н. Русская философия права: Естественно—правовая школа первой половины XX века. М.: Российское гуманистическое общество, 2001; Замалеев А. Ф. Идеи и направления отечественного любомудрия. Лекции. Статьи. Критика. СПб.: Издательско—торговый дом «Летний сад», 2003; Замалеев А. Ф. Курс истории русской философии. М.: Наука, 1995; Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии

Данная традиция была продолжена историко-философскими работами Д. В. Аронова, Ю. Я. Баскина, Д. А. Баскина, Ф. Буббайера, Гайдено П. П., П. С. Грацианского, И. И. Евлампиева, Б. В. Емельянова, А. В. Захарова, Н. М. Зернова, В. Д. Зорькина, Л. М. Искры, В. В. Кравченко, А. Ф. Лосева, Е. Е. Миронова, Н. В. Мотрошиловой, М. И. Ненашева, В. В. Николаина В. В., С. А. Покровского, С. М. Половинкина, И. П. Смирнова, Ю. И. Сохрякова, В. А. Томсинова, Б. А. Шувалова, А. С. Ященко и др⁶. Однако и эти исследователи, фундаментально

софии (XI — XX вв.). СПб.: Летний сад, 2001; Зернов Н. М. Русское религиозное возрождение XX века. Париж: УМСА—press, 1991; Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М.: Изд—во МГУ, 1978; Исаев И. А. Политико—правовая утопия в России (конец XIX — нач. XX вв.). М.: Наука, 1991; История русской философии / под ред. Маслина М. А. М.: Республика, 2001; Кальной И. И. Философия права. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006; Каменский З. А. Философские идеи русского просвещения. М.: Мысль, 1971; Каменский З. А. Философские идеи русского Просвещения (деистическо—материалистическая школа). М.: Мысль, 1971; Каменский З. А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М.: Наука, 1980; Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма — М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999; Козлихин И. Ю. Идея правового государства: История и современность. СПб.: Изд—во СПб ун—та, 1993; Комаров Ю. С. Общество и личность в православной философии. Казань: Изд—во Казан. ун—та, 1991; Корнев В. Н. Либеральная концепция государства и права в России начала XX века (1905 — 1917 годы). Белгород: Изд—во Белгородского гос. ун—та, 2001.; Корольков А.А. Духовная антропология. СПб.: Изд—во СПбГУ, 2005; Кувакин В. А. Русская религиозная философия: начало XX века. М.: Мысль, 1980; Кузнецов В. Э. Философия права в России. М.: Политиздат, 1989; Куприц Н. Я. Из истории государственно—правовой мысли дореволюционной России. М.: Изд—во МГУ, 1980; Левицкий С. А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Т. I—II. Франкфурт—на—Майне: Изд—во «Посев», 1981.; Лосский Н. О. История русской философии. М.: СВАОГ и К, 2000; Малахов В. П. Концепция философии права: науч. Издание. М.: ЮНИТИ—ДАНА, 2007; Малахов В. П. Основы философии права. М.: Академический проект. Культура, 2005; Малинова И. П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург: УГЮА, 1995; Мошелков Е. Н. История философии права в университетском образовании России (XIX — начало XX в.). М., 2011; Нерсисянц В.С. Философия права. М.: Изд—во НОРМА, 2001; Нижников С. А. Метафизика веры в русской философии. М. Изд—во РУДН: 2001; Осипов И. Д. Философия русского либерализма (XIX — начало XX в.). СПб.: Изд—во С.—Петербургского ун—та, 1996; От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии) / под ред. Федорова М. М., Хевеши М. А., М., 1994; Пивоваров Ю. Очерки истории русской общественно—политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М.: ИНИОН РАН, 1997.; Пустарников В. Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: Изд—во Русского Христианского гуманитарного института, 2003; Русская и европейская философия: пути схождения: Коллективная монография. Часть I. СПб.: Научный издательский центр «Кафедра», 1997; Русская религиозно—нравственная философия права // История философии права / под ред. А. П. Альбова, Д. В. Масленникова, В. П. Сальникова. СПб.: Юридический институт, Санкт—Петербургский университет МВД России, 1998. С. 403—633.; Русская религиозно—философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех» 1902—1909. СПб.: Алетейа, 1996; Сагатовский В. И. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб.: Цетрополис, 1994; Философия права / О. Г. Данильян, Л. Д. Байрачная, С. И. Максимов и др. М.: Эксмо, 2005; Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Парад, 2005; Шапошников Л. Е. Консерватизм, новаторство и модернизм в русской православной мысли XIX — XX вв. Нижний Новгород: НГПУ, 1999; Шапошников Л. Е. Русская религиозная философия XIX XX вв. Нижний Новгород: Волго—Вят. кн. изд—во, 1992; Шапошников Л. Е. Философия соборности: Очерки русского самосознания. СПб.: Изд—во СПбГУ, 1996.

⁶ Аронов Д. В. Научная и общественно—политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева. Орел: Изд—во Орловского гос. техн. ун—та, 2001; Аронов Д. В. Первый спикер. Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М.: Юрист, 2006; Баскин Ю. Я., Баскин Д. А. Павел Иванович Новгородцев (из истории русского либерализма). СПб.: ООО «Алмаз», 1997; Буббайер, Ф. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. 1877—1950. М.: РОССПЕН, 2001; Гайдено П. П. Владимир Соловьев и философия серебряного века. М.: Прогресс—Традиция, 2001; Грацианский П. С. Десницкий С. Е. М.: «Юридическая литература», 1978; Евлампиев И. И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб.: Наука, 1998; Емельянов Б. В. Борис Чичерин: Интеллектуальная биография и политическая философия. Екатеринбург: Изд—во Урал, ун—та, 2003; Захаров А.В. Государственно—правовые воззрения Б. Н. Чичерина. Тамбов: Изд—во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004; Зернов И. Иван Ильин. Монархия и будущее России. М.: Алгоритм, 2007; Зернов Н. М. Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев. М.: Московский рабочий, 1995; Зорькин В. Д. Муромцев. М.: Юридическая литература, 1979; Зорькин В. Д. Из истории буржуазно—либеральной политической мысли России второй половины XIX — начала XX в. (Б. Н. Чичерин). М.: Изд—во Моск. ун—та, 1975; Зорькин В. Д. Муромцев. М.: Юрид. лит., 1980; Искра Л. М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж: Изд—во Воронежского ун—та, 1995; Кравченко В. В. Владимир Соловьев и София. М.: Аграф, 2006. 318 с.; Лазарев В. В. Этическая мысль в Германии и России. Шеллинг и В. Соловьев. М.: ИФ РАН, 2000; Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2000; Миронов Е. Е. Проблемы государства и конституции в политической теории Б. Н. Чичерина. Челябинск: Изд—во ЮУрГУ, 2005; Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). М.: Република; Культурная революция, 2006; Ненашев М. И. Концепция свободы в философии Владимира Соловьева. Киров: Изд—во ВГПУ, 1999; Николин В. В. Русский антропологический проект: А.С. Пушкин, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев. Омск: Изд—во Омского госуд. пед. ун—та, 2007; Овчинникова А. И., Овчинникова С. П. Евразийское правовое мышление Н.Н. Алексеева. Р—на—Д: Изд—во СКНЦ ВШ, 2002; Поборник свободы и права. Б. Н. Чичерин и социально—философская мысль второй половины XIX в. / под. ред. проф. Н. М. Аверина. Тамбов: Из—во ТГУ им Г.Р.Державина, 2003; Покровский С. А. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955; Половинкин С. М.

рассмотрев миросозерцание мыслителей в контексте западноевропейской традиции и русской философской традиции, не затронули антропологические основания философии и социологии права, анализируя только фрагментарно воззрения на человека указанных мыслителей. В их исследованиях, анализирующих философию и социологию права русских мыслителей очень предметно, антропологические суждения, тем не менее, не нашли достойного отражения.

Объективный и взвешенный подход к проблеме человека в русской философской и правовой мысли отмечает недостаточность осмысления творчества отдельных мыслителей. Настоятельно востребован анализ антропологической проблематики русской философии и социологии в целом как системы осмысления бытийственности человека во всех ее проявлениях.

Проблема человека в антропологии философии и социологии права всеединства России второй половины XIX — второй половины XX вв. рассмотрена к настоящему времени недостаточно полно; антропологические составляющие и духовные истоки антропологии означенных отраслей отечественного знания, их эволюция, внутреннее единство и различия не в полной мере изучены. Отсутствуют обобщающие работы, дающие возможность представить развитие философии права в целом, и правоантропологии в частности, установить взаимосвязи и противоречия между рассмотрением сущности человека разными мыслителями.

Среди историко-философских трудов, позволивших выявить идейно-теоретические источники антропологических оснований, степень их влияния на становление философии и социологии права, выделение общих принципов в антропологической проблематике русской философии и социологии права XVIII — первой трети XX веков необходимо назвать работы В. Н. Акулинина, П. П. Гайдено, И. И. Евлампиева, Б. В. Емельянова, А. Ф. Замалева, В. А. Кувакина, Н. О. Лосского, СП. Макарычева, М. А. Маслина, Н. В. Мотрошиловой, О. С. Пугачева, И. И. Семаевой, В. В. Сербиненко, Л. Е. Шапошникова⁷. Определенный интерес представляет опыт исследования взаимосвязи русской философии с христианской традицией, предпринятый С. С. Хорунжим, а также осмысление взаимосвязи этической мысли Германии и России, представленный работой В. В. Лазарева⁸.

Князь Е.Н. Трубецкой. Жизненный и творческий путь: Биография. М.: Синаксис, 2010; Радлов Э. Л. Владимир Соловьев: жизнь и учение. СПб., 1913; Смирнов И. П. «От марксизма к идеализму»: М. И. Туган—Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев. М.: Русское книгоиздательское товарищество. 1995; Сохряков, Ю. И. Ильин — религиозный мыслитель и литературный критик. М.: Наследие, 2002; Томсинов В. А. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М.: Зерцало—М, 2017; Томсинов В. А. Мыслитель с поющим сердцем. Судьба и творчество Ивана Александровича Ильина // Ильин И. А. Теория права и государства. Издание второе, дополненное. М.: Зерцало, 2008. С. 8—180; Шувалов Б. А. Философско—этические взгляды на общество в концепции «всеединства» В.С. Соловьева. М.: Макс—пресс, 2007; Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб.: Санкт—Петербургский университет МВД России. Изд.—во «Алетейя» (СПб) 1999.

⁷ Акулинин В. Н. Философия всеединства. От В.С. Соловьева к П. А. Флоренскому. Новосибирск: Наука, 1990. Лосский В. Н. Вл. Соловьев и его преемники в русской религиозной философии // Путь. М.: Информ—Прогресс, 1992. №2. С. 153—160; №3. С. 277—287.; Замалева А. Ф. Формы развития и новые задачи русской философии // Отечественная философия: русская, российская, всемирная. Материалы V Российского симпозиума историков русской философии. Н. Новгород: НГУ, 1998. С. 13—18.; Сербиненко В. В. Вл. Соловьев: Запад, Восток и Россия. М.: Наука, 1994; Макарычев СП. Антропологические взгляды русских религиозных философов. Н. Новгород: Изд.—во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2001; Маслин М. А. «Три измерения» русской философии // Отечественная философия: русская, российская, всемирная. Материалы V Российского симпозиума историков русской философии. Н. Новгород: НГУ, 1998. С. 10—13.; Гайдено П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс—Традиция, 2001; Мотрошилова Н.В. История философии / под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: Феноменология—Герменевтика, 2001; Емельянов Б. В., Пугачев О. С. Русская семантика. Конец XIX — начало XX века. Пенза: ПСХА, 2002; Семаева И. И. Традиции исихазма в русской религиозной философии. М.: Изд.—во МПУ, 1993; Сербиненко В. В. Вл. Соловьев: Запад, Восток и Россия. Учебное пособие для высших учебных заведений. М., 1994; Сербиненко В. В. История русской философии XI — XIX вв.: Курс лекций. 2—е изд., испр. и доп. М., 1996; Сербиненко В. В. Русская религиозная метафизика (XX век): Курс лекций. М., 1996; Сербиненко В. В. Вл. С. Соловьев. М., 2000; Сербиненко В. В. Русская философия. Курс лекций. М., 2005; Шапошников Л. Е. Философские портреты. Н. Новгород, 1993; Евлампиев И. И. История русской философии. М.: Высшая школа, 2002; Кувакин В. А. Религиозная философия в России: начало XX века. М.: Мысль, 1980. С. 17.

⁸ Хоружий С. С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000; Лазарев В. В. Этическая мысль в Германии и России. Шеллинг и Соловьев. М.: ИФРАН, 2000.

Результаты исследования имеют определенное теоретическое значение. Они раскрывают сущность антропологической проблематики в философии всеединства XIX — XX веков и позволяют утверждать существование самобытного и оригинального направления — антропологии всеединства.

Поставленные и разработанные в исследовании проблемы выделяют основные идеи антропологии византийского богословия, немецких мыслителей и идеологов славянофильства, раскрывая характер и особенности их влияния на В.С. Соловьева, братьев Трубецких, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова.

Любое правопонимание опирается на соответствующую концепцию природы (сущности) человека. Особенно ярко эта связь выражалась в классической философии права XVII—XVIII веков. В ней представления о природе человека выступали как предельные основания для суждений об общей правомерности властных решений, антропология всегда несла в себе общий критерий правомерности. Данное обстоятельство обусловило возникновение в рамках философии права такого раздела, как правовая антропология, в пределах которой решался бы вопрос об общем критерии правомерности.

Что представляет собой правовая антропология, каковы антропологические основы правопорядка в целом и прав человека в особенности, что представляет собой «человек юридический», как связаны между собой личность и право? Эти и другие вопросы, поднятые российскими мыслителями будут, рассмотрены в данном исследовании.

Феномен права теснейшим образом связан с человеком, его сущностью, смыслом человеческого бытия. «Ответы на все философские вопросы права, — пишет представитель правового экзистенциализма Э. Фехнер, — предопределяются ответом на вопрос о смысле человеческого бытия». В этом высказывании выражена антропологическая позиция по отношению к праву. Суть последней состоит в представлении о праве как явлении, без которого человек не может существовать, с одной стороны, и выявлении в структуре человеческого бытия таких моментов, которые порождают правовые отношения (право), — с другой стороны. Это обстоятельство делает возможной собственно правовую антропологию.

Что же представляет собой правовая антропология? Как известно, философской антропологией называется часть философии, в которой изучается человек как особый род сущего, осмысливаются проблемы человеческой природы и человеческого бытия, анализируются способы человеческого существования.

Философская антропология является фундаментом современной моральной и правовой философии. Именно обращение к сущности человека позволяет обосновать идею права, критерий справедливости, то есть решить фундаментальный вопрос философии права. Данное обстоятельство позволяет выделить в рамках философии права такой раздел, как правовая антропология.

«Содержание антропологического метода исследования сущности человека в юриспруденции определяется самим предметом юридической антропологии, — указывает В. Н. Плескач, — который направлен на изучение процесса юридизации человека, его юридической деятельности. Исследование предполагает проведение анализа человека как элемента общества, свободы индивида, как модуса правовой деятельности, правовой культуры человека, этноправовых норм и ценностей, правовой системы *прошлого* (курсив мой — К.У.) и настоящего»⁹.

⁹ Плескач В. Н. Антропологический метод исследования сущности человека в юриспруденции // Ленинградский юридический журнал. 2016. №2 (44). С. 34.

Глава 1.

Анализ антропологической проблематики в русской философии права в процессе ее институализации в XV — XVIII вв.

§1. Становление российской юридической науки и в рамках нее антропологических парадигм в XV — XVIII вв.

Юридическая наука в России формировалась под заметным влиянием западноевропейской юриспруденции. Известный русский юрист конца XIX — начала XX вв. Н. М. Коркунов в этой связи писал: «Наше отношение к западной науке можно сравнить с отношением глоссаторов к римской юриспруденции. И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам, прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки... Тем не менее, в каких-нибудь полтора-два столетия мы почти успели наверстать отстававшую нас от западных юристов разницу в шесть с лишком столетий». В целом, длительный период был для российской юридической науки периодом ученичества. Начало ему было положено переводом на русский язык книги С. Пуфендорфа «Об обязанностях гражданина и человека», осуществленного по указанию Петра I.

Первым русским профессором права стал С. Е. Десницкий (1740—1789). Привлекают внимание речи Десницкого: «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным», «Юридическое рассуждение о пользе отечественного законодательства». В центре его научных интересов стояли проблемы методологии юридического знания, проблемы собственности, брака, правовые и нравственные аспекты применения смертной казни. Десницкий одним из первых в России стремился рассматривать в единстве экономическую, этическую и собственно юридическую проблематику. Согласно взглядам Десницкого этика, или «нравоучительная философия», есть «первый способ к совершению наших чувствований, справедливости и несправедливости». Поэтому в соединении с «натуральной» юриспруденцией она является «первым руководством» для всех рассуждений в сфере права; это знание, которое составляет «первоначальное учение законоискусства». Десницкий значительно вышел за рамки официальной идеологии, пропагандируя в России развернутую академическую правовую концепцию.

Философско-правовые идеи классиков немецкой философии, прежде всего И. Канта, нашли свое отражение в работе А. П. Куницына (1793—1840) «Право естественное» (1818—1820). Куницын различал право «первоначальное» и «производное»; первое определяется природой человека, второе — общественными законами. Признавая частную собственность священной и неприкосновенной, он выступал против распространения этого принципа на право владения другими людьми, обосновывал необходимость и правомерность свободы и неправомерность угнетения человека человеком. Право Куницын рассматривал как часть «нравственной философии». С помощью последней разум призван руководить чувственной природой человека и формулировать законы по охране его свободы.

Крупнейшим отечественным юристом первой половины XIX в. можно с полным правом назвать К. А. Неволлина (1806—1855). Его двухтомная «Энциклопедия законоведения» (1839—1840) в течение долгого времени была наиболее фундаментальным трудом в области права

не только в России, но и в Европе. В своем творчестве Неволин продолжал традиции «исторической школы» Савиньи. Вместе с тем он испытал значительное влияние теории естественного права и философии права Гегеля, лекции которого он слушал в Берлинском университете. Задачу энциклопедии права Неволин видел в том, чтобы с ее помощью представить всю систему правовых явлений как единое целое. При этом энциклопедия права является кратким систематическим обзором правоведения, «небольшую моделью величественного здания». Вместе с тем энциклопедия права — это система основных положений права, сведенных к одному «высшему понятию», служащих введением в специальное изучение юридических наук.

Проникающие в Россию во второй половине XIX в. идеи юридического позитивизма, обосновывающие формально-догматическую юриспруденцию, привели к поляризации позиций ученых в отношении содержания энциклопедии права и по поводу ее значения для юридической науки. Представители одного направления относили энциклопедию к самостоятельной науке в системе юриспруденции (К. А. Неволин, М. Н. Капустин, Н. К. Ренненкампф). Сторонники другого направления рассматривали энциклопедию права как введение в науку о праве и не признавали ее самостоятельное значение (П. Деларов).

Вслед за энциклопедией права выделяются такие направления, как философия права и теория права, претендующие на роль обобщающей юридической науки. К. А. Неволин, М. Н. Капустин, П. Г. Редкин, Н. М. Коркунов склонялись к мысли, что разницы между теорией, философией и энциклопедией права нет. С начала 80-х гг. и до конца столетия усилиями таких ученых, как Г. Ф. Шершеневич, С. В. Пахман, Д. Д. Гримм, А. А. Рождественский и др., юридический позитивизм в России стал доминирующим направлением в общей теории права. Тем не менее, со времени К. А. Неволына идеалистическая традиция в русском правоведении не прерывалась. Так, в 1900 г. появились два произведения — «Философия права» Б. Н. Чичерина и «Энциклопедия права» Е. Н. Трубецкого. В 1914 г. вышла в свет двухтомная работа И. В. Михайловского «Очерки философии права». Названные авторы, развивая взгляды К. А. Неволына, строили свою философию на началах нравственного и религиозного идеализма.

Вопросы смысла права и его природы, правовой методологии являлись особенно острыми для российского общества второй половины XIX — начала XX веков. Центральной темой либеральной правовой мысли XIX века стало воспитание уважения к праву, а одним из основных факторов при формировании воззрений была гегелевская философия. Восприятие гегелевской философии права нашло свое специфическое отражение в русском правовом сознании. В отличие от западноевропейского типа философствования (где философия права предстает как содержание взаимосвязи права и закона, правосудия и государства) в отечественном правосознании сохранился союз правовых идей и христианского учения о бытии, свободе и человеке, тем самым отношение нравственности и права не приобрело форму их противопоставления.

Вопрос о месте и значении права в русской духовной традиции занимал умы многих русских ученых рубежа XX века. Достижения русской философии права того периода обычно связывают с именем Н. И. Новгородцева и его учеников, среди которых наиболее известны И. А. Ильин и Б. П. Вышеславцев. Однако сформировавшаяся в рамках данной школы идея о регулятивной функции правовых норм, законов, нравственных заповедей и об определении ими во многом содержания бытия народов осмысливалась более широким кругом мыслителей русского религиозного ренессанса. Не менее значительны в этом плане такие мыслители, как А. Д. Градовский, В. В. Ивановский, Н. А. Зверев, В. М. Гессен, Н. И. Палиенко, Е. В. Спекторский, чьи взгляды ждут своих исследователей.

В основе исследований, посвященных анализу правопонимания, лежит вполне прагматическая цель — создать необходимые теоретические предпосылки для успешного становления правовой системы России. Проблема правопознания предполагает обращение к его анализу специалистов самых разных областей гуманитарного знания (социологов, психологов, фило-

софов, юристов и др.). В последние годы исследователи данной проблемы вышли на уровень концептуализации. В юридической и социальной литературе наблюдается чрезвычайно широкий спектр мнений по вопросу о сущности правопонимания и его системообразующей роли в праве. Отмечается как неопределенность его границ в отношении правосознания и правового мышления, так и в выделении его содержательных компонентов. Прежде всего, обращает на себя внимание различия теоретико-методологических основ анализа природы, сущности и назначения права философами, социологами и юристами.

При всех возможных вариантах интерпретации права незыблемым и постоянным остается раскрытие его содержания через понятия «свобода», «равенство», «справедливость». Очевидно, что в разных социокультурных контекстах каждое из данных понятий может занимать свое место в системе аксиологической иерархии. Русская национальная идея увязывала право с моралью и нравственностью. Во всем многообразии подходов к праву в дореволюционной России¹⁰ сквозной линией присутствовала славянофильская парадигма правового нигилизма (либо в форме критики, либо в форме апологии). Во всяком случае, всегда было очевидно преобладание нравственной проблематики над правовой. Это и сегодня объясняет преобладание содержательно-культурного элемента в мотивационной и оценочной деятельности россиян.

С учетом этого важного для российского менталитета момента большое внимание в пособии уделяется проблеме соотношения права и нравственности, вернее, тому, каким представлялось это соотношение в трудах российских правоведов, философов и социологов. Глубокую связь права и нравственности отметил наш современный исследователь: «Понимание нравственных корней российского права в значительной степени сказывается на понимании всей совокупности социально-духовных факторов воспроизводства права. И речь должна идти, скорее, не о моральных основаниях права, а правовом обеспечении нравственной жизни общества, как самоценного ориентира человека. В отличие от других традиционных обществ, нравственность в России всегда носила не обыденно — ритуальный, внешне поведенческий, а глубоко религиозный характер, т.е. являлась способом не реального, а идеального бытия человека»¹¹.

В исследовании представлены взгляды видных правоведов, философов и социологов, внесших значительный вклад не только в российскую, но и мировую сокровищницу правовой мысли. Композиционные основы построения изложения воззрений каждой персоны представляют собой следующую схему: вначале дается проблема интерпретации ею правовых проблем, а далее раскрытие их сущностных антропологических оснований.

В процессе своего становления философско-правовые взгляды в России были заложены еще на этапе возникновения раннего феодализма в устном народном творчестве, эпосе, летописях, памятниках права и литературы. В то время мировоззрение русского человека развивалось в системе традиционного права. Но необходимо все же отметить, что менталитету русского народа всегда было чуждо чисто формальное, рассудочное отношение к правовым законам, которое присуще народам протестантской и католической ветвей христианства. Например, еще в XI веке митрополит Киевский Иларион в работе «Слово о Законе и Благодати»¹² указал на огромную пропасть между формальным законом (тенью) и благодатью

¹⁰ Корнев А. В. К вопросу о правопонимании в дореволюционной России // Государство и право. 1998. №5. С. 93—97.

¹¹ Малахов В. П. К проблеме нравственных корней современного российского права // Русская философия права: основные проблемы и традиции. Сборник материалов всероссийской конференции. Ростов—на—Дону, 2000. С. 242—243.

¹² Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / Предисл. митрополита Иоанна (Снычева) / Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. Комментар. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011.

(истиной), приданной отзывчивой и просветленной душе человека, что уже явилось одним из первых показателей обращения к экзистенции человека¹³.

В конце XV в. происходит резкое повышение роли писанных источников права, значительное увеличение объема законодательного материала. Это явилось отражением тенденции к упрочению государственной власти, усилению централизации русской общественной жизни. В 1497 г. был подготовлен единый для всего русского государства Судебник. Чуть позднее появились и другие правовые сборники — Судебник 1550 г., Стоглав 1551 г., Судебник 1589 г., Уложение 1649 г. Эти документы отразили процесс создания общероссийской правовой системы. Следует отметить, что изгнанная из этих законов идея справедливости и подменившая ее идея права как таковая, прочно вошла в философию жизни россиян на общинном уровне и на уровне межличностных отношений.

Характеризуя процесс эволюции русского права в XV–XVI вв., А. Станиславский писал, что «при таком состоянии источников права задача законоведцев стала гораздо труднее: частью потому, что материал, подлежащий их изучению, был теперь гораздо обильнее прежнего; частью и в особенности потому, что в практике приходилось часто сличать разнородные постановления законодательной власти как между собою, так и с льготными грамотами и обычаями местными; частью, наконец, потому, что обнародование законов, состоявшее преимущественно в проклипании их на торгах, было весьма недостаточно для доставления знакомства с их содержанием»¹⁴. В этих условиях появилась необходимость специального преподавания и изучения законов.

В одном из своих указов царь Иван IV (Грозный) предписал «завести священникам в своих домах училища закона божия и гражданского». Ф. Морошкин заметил по поводу этого указа, что здесь открывается «первый признак школьной юриспруденции в России»¹⁵. Этот указ послужил началом процессу правовой аккультурации и правовой социализации русского человека. Основные характеристики этого этапа, верно отмечает Л. В. Сокольская, можно свести к следующему — это была добровольная, односторонняя рецепция византийского права на религиозной основе, осуществляемая по инициативе публичной власти¹⁶.

В целом, на протяжении XV–XVII вв. юриспруденция носила сугубо прикладной характер. Не иначе как в самом процессе практического осуществления правосудия или при составлении различного рода деловых бумаг приобреталось знание законов и умение с ними обращаться. «Русская первоначальная юриспруденция есть собственно юриспруденция дьяческая, — писал Ф. Морошкин. — Дьяк или клерк — сие таинственное, дивное существо в истории законодательства, с успехами единодержавия растет и с течением времени из карла делается великаном»¹⁷.

Участие дьяков в процессе осуществления правосудия специально предусматривали Судебники 1497 и 1550 гг. По словам И. И. Смирнова, «именно приказы, в частности казначей, фактически держали в своих руках московское законодательство как в подготовительной стадии — разрабатывая проекты законов (представляемые в виде „докладов“ на рассмотрение царя), так и в заключительных этапах законодательного процесса, где именно в руках казначеев

¹³ Погосбекий Д. Р. Проблемы права и нравственности в первом русском политическом трактате «Слово о законе и благодати» (XI в.) // Государство и право. 2002. №6. С. 98—104; Колесов В. В. Правда и истина в представлениях Древней Руси // Культуры в диалоге: Грани духовности. 4.2 / Под. ред. А.С. Гагарина. Екатеринбург: Изд.—во Урал, ун.—та, 1994. С. 146—155.

¹⁴ Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. / Ермошин В. В., Ефремова Н. Н., Исаев И. А., Карпец В. И., и др.; отв. ред.: Нерсисянц В. С.; Редкол.: Нерсисянц В. С., Преображенский А. А., Штамм С. И. М.: Наука, 1986. С. 22.

¹⁵ Рейнц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. / Пер. и предис. Ф. Морошкина. М.: Изд. Ф. Морошкин, 1836. С. 111.

¹⁶ Сокольская Л. В. Этапы правовой аккультурации в России // Lex russica. 2009. №2. С. 401.

¹⁷ Морошкин Ф. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. № VIII. Февраль. С. 214.

находилось формирование и редактирование текста законов на основе норм царского приговора»¹⁸.

Что касается Запада, то важнейшим фактором ускоренного формирования юриспруденции западноевропейских стран и специализированного категориального аппарата в нем была рецепция римского права. Подобное влияние оказывал на развитие русской юриспруденции византийский вариант римского права. В России в силу того, что язык права не расходился в большей степени с народным языком, процесс институализации и эволюции юриспруденции не был связан с развитием юридического образования.

Учебных учреждений как таковых в России до XVII в., по словам М. Ф. Владимирского-Буданова, не было, так как «самое образование не признавалось за государственную потребность до конца XVII в.»¹⁹. Официальная церковь занималась подготовкой церковнослужителей, приходского духовенства, дьяков и подьячих. Такое образование можно было получить в приходской общине, где обучались чтению, письму, счету и «закону Божию» (по богослужебным книгам); к этому присоединялось сообщение всех сведений, которыми располагали тогдашние грамотеи: в азбуковниках того времени содержатся основные пункты вероучения, жития святых, извлечения из творений святых отцов, краткие словари, основные начала грамматики, иногда география²⁰.

В XVII в. в Российском государстве происходят определенные изменения — учреждается ряд учебных заведений; в них должен был изучаться целый комплекс дисциплин, выходящих за рамки области богословских наук (например, философия, иностранные языки, риторика и др.). В Москве открываются такие заведения как Андреевское братство (1649 г.), патриаршее Чудовское училище, Иоанно-Богословское училище (1666 г.). Пребывавший в середине XVII в. в России немецкий ученый Адам Олеарий с неподдельным изумлением замечает: «В настоящее время они (русские — К.У.), — что довольно удивительно, — по заключению патриарха и великого князя, хотят заставить свою молодежь изучать греческий и латинский языки»²¹.

Подлинными же центрами просвещения и культуры православного населения российского государства были Киево-Могилянская коллегия и Славяно-греко-латинская академии. Киево-Могилянская коллегия (с 1701 г. — академия) была основана в 1632 г. митрополитом Петром Могилой. Она являлась столпом православной культуры на границе с католическим миром. Академия готовила не только богословов и церковных деятелей. Академический курс также включал ряд светских дисциплин, имевших целью осуществлять подготовку необходимых для государства специалистов в области правоправедения — дипломатов, политических деятелей, государственных чиновников, правоведов и т.п.²².

Примечательно, что прогрессивные преподаватели академии были знакомы с трудами Гуго Гроция и Самуила Пуфендорфа, придерживались естественно-правовых взглядов и на первый план выдвигали антропологические аспекты: монастику — учение о нравственности; экономику — знания о ведении хозяйства; политику — учение о государстве и праве. Преподавали в академии в разное время известные государственные и церковные деятели, ученые и философы — И. Гизель, Г. Конисский, Ф. Лопатинский, С. Яворский, Ф. Прокопович, Г. Бужинский и другие.

Вторая академия — Московская славяно-греко-латинская — была основана в 1687 г. Симеоном Полоцким. Приглашенные из Константинополя католики братья Лихуды — Иоан-

¹⁸ Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // Исторические записи. 1947. Т. 24. С. 352.

¹⁹ Владимирский—Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / Владимирский—Буданов М. Ф. Ростов—на—Дону: Феникс, 1995. С. 222.

²⁰ Владимирский—Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 222—223.

²¹ Олеарий А. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. С. 404.

²² Хижняк З. И. Киево—Могилянская академия. Киев: Выща шк. Изд—во при Киев. гос. ун—те, 1988.

ний и Софроний — были первыми педагогами (отстранены по настоянию патриарха в 1694 г.).

Учебные курсы читали многие преподаватели Киево-Могилянской академии, постепенно перебиравшиеся в Москву: Ф. Прокопович, С. Яворский, Г. Бужинский и другие²³.

Но все же вплоть до начала XVIII в. в русской юриспруденции господствовало религиозное мировоззрение. Церковники имели монополию на область познания и превратили все науки, находящиеся за пределами богословской догматики, во вспомогательные дисциплины, в служанок одной госпожи — теологии. Лишь к концу XVIII столетия делаются первые шаги к обособлению философии от религии. В то же время обозначаются определенный приоритет проблем нравственности, повышенный интерес к идеям добра и зла, к духовному миру человека²⁴. Роль служанки выполняла и юриспруденция, развитие которой проходило в основном за счет ассимиляции русского обычного права с христианскими концепциями и привнесения иностранных элементов в русскую юриспруденцию. «До времени Петра I, — как отмечал А. Благовещенский, — познание законов состояло только в случайном знакомстве с существующими законами, в наружном искусстве прилагать их к встречающимся случаям и в наблюдении судебных форм и обрядов делопроизводства»²⁵.

Коренной перелом наступил в эпоху Петра I, когда его преобразования положили начало становления светской науки и образованию. Это, в свою очередь, подорвало идеологическое влияние церкви на юридическую мысль. Помимо этого, обучение русских людей за границей²⁶, путешествия дворянской молодежи с целью повышения образования значительно расширили культурные горизонты русского общества, способствовали быстрому проникновению в круг ученых гуманистических и рационалистических взглядов раннебуржуазных мыслителей Западной Европы: Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа и других.

У истоков светской юриспруденции России стояли сам Петр I и его ближайший сподвижник Феофан Прокопович. Весьма оригинальную альтернативу дальнейшей преобразовательной деятельности императора предлагал Иван Посошков. В октябре 1724 г. Петр писал в Синод: «Посылаю при сем книгу Пуфендорфа, в которой два трактата: первый — о должности человека и гражданина, другой — о вере христианской, но требую, чтоб первый токмо переведен был, понеже в другом не чаю к пользе нужда быть»²⁷.

Трактат С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» был переведен на русский язык архимандритом Троице-Сергиева монастыря Гавриилом и опубликован в 1726 г., уже после смерти Петра. Произведения Самуила Пуфендорфа (1632—1694) содержали основные естественно-правовые положения и элементы теории общественного договора. Русские мыслители конца XVII — начала XVIII вв. Ф. Прокопович, В. Н. Татищев, И. Т. Посошков попытались в условиях оформления абсолютной монархии путем сочетания доктрины естественного права и положений священного писания идейно обосновать теорию «просвещенного абсолютизма», что уже предполагало учитывать интересы отдельного человека.

При Петре I происходит существенное изменение в организационных формах процесса обучения. В 1724 г. была основана Академия наук, а при ней — первый в истории русского

²³ Абрамов А. И. Философия в духовных академиях (традиции платонизма в русском духовно—академическом философствовании). // Вопросы философии. 1997. №9. С. 138—155.

²⁴ Русская философия: Имена. Учения. Тексты: Сб. / Сост. Солнцев Н. В. М.: Издательский дом «ИНФРА — М», Издательство «Весь мир», 2001. С. 24.

²⁵ Благовещенский А. История метод законоведения в XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. VI. С. 375—441; Ч. VII. С. 438.

²⁶ Подробно: Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М.: Знак, 2005.

²⁷ Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17—18. М., 1993. С. 484.

государства университет (философским, медицинским и юридическим факультетами²⁸), первыми профессорами которого являлись в основном иностранцы, читавшие курс права в соответствии с постулатами немецкой юриспруденции. В «Проекте учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов», утвержденного именным указом Петра от 28 января 1724 г. (первом масштабном нормативном акте в деле создания университетов), юриспруденция называлась «искусством права»²⁹.

Все науки в Академии согласно документу были разделены на три класса: 1) математический, 2) физический, 3) гуманитарный — история и право. Проведение занятий на юридическом факультете поручалось академикам третьего класса. Из «юридических» дисциплин предусматривалось преподавание «права натуры» (естественного права), права публичного, политики и этики (нравоучения).

Поскольку прибывшие по приглашению официальной власти для работы в Академии наук иностранные ученые представляли своими трудами в основном цикл естественнонаучного знания, а организованных форм университетского образования в первые годы функционирования Академии не было, возникла необходимость «оживить», исправить положение, в том числе и в отношении преподавания «искусства права». С этой целью был создан Регламент Академии наук и художеств 1747 г.³⁰ Данным законодательным актом университет несколько обособлялся в системе Академии наук, проводилось различие между академиками, освобожденными от преподавания, и профессорами, читавшими лекции. Из двенадцати наименований наук, предписанных Регламентом для университета, к «юридическим» относились права натуральные и философия практическая и нравоучительная (ст. 45).

Среди первых 16 зарубежных ученых — членов Санкт-Петербургской Академии наук, прибывших в 1725 г. в Петербург, были правовед Иоган Бекенштейн и специалист по моральной философии Христофор Гросс. Бекенштейн с 1726 г. стал академиком кафедры правоведения Петербургской академии наук. Он вернулся в Кенигсберг в 1735 г., оставшись почетным академиком Санкт-Петербургской академии наук. Большинство отечественных исследователей отводили академическому университету весьма незавидную роль в деле становления университетского (и юридического в том числе) образования. И, тем не менее, общий прогресс науки и культуры, упорядочение государственного управления создали благоприятную среду для поиска новых основ укрепления правового статуса личности.

В теоретическом плане вторая половина XVIII в. ознаменовалась значительными успехами в развитии русской политико-правовой мысли. Проявились и глубокие последствия петровских преобразований, и сближение с Европой, и влияние идейных течений, которые шли с Запада. Но в основе этих успехов лежали, бесспорно, те социально-экономические сдвиги, которые происходили в русской жизни. Юридическая мысль в это время развивается бурно и плодотворно, происходит дифференциация правосознания. Наряду с консервативной идеологией выделяется в особое направление антикрепостническая просветительская мысль, открыто заявившая о себе на конкурсе Вольного экономического общества (1766 г.) и в ходе работы Уложенной комиссии (1767—1768 гг.).

Указом императрицы Екатерины II от 24 января 1755 г. «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» был утвержден «Проект об учреждении Московского университета»³¹, который в литературе иногда называют первым университетским уставом. В состав университета предполагалось включить три факультета: подготовительный (философский) и

²⁸ По авторитетному мнению профессора Санкт—Петербургского университета А. П. Куницына, высказанном им в 1821 году «начало теоретического правоведения В России должно относится царствованию Петра Великого» (Мошелков Е. Н. История философии права в университетском образовании России (XIX — начало XX в.) С. 16.).

²⁹ ПСЗ. Собр. 1—е. СПб., 1830. Т. 7. №4443.

³⁰ ПСЗ. Т. 12. №39425.

³¹ ПСЗ. Т. 14. №10346.

специальные (медицинский и юридический). Необходимость создания юридического факультета объяснялась тем, что «...наука о правах по природе есть как бы основание всех прав и законов». Перечень предметов, изучавшихся на факультете, был определен М. В. Ломоносовым³².

Начало пятого параграфа Устава Московского университета было изложено в следующей редакции: «Профессоров в университете будет в трех факультетах десять. В юридическом: 1) Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи. 2) Профессор юриспруденции российской, который сверх вышеописанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права. 3) Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время»³³.

На юридическом факультете читались следующие курсы лекций: естественное право, народное право, всеобщее положительное право, римское право, история римского права, политика, общая энциклопедия, история русского права, практическое законодательство российское, философия. Эпизодически читалось морское и военное право.

Государству, имевшему обширное еще не систематизированное законодательство, требовались грамотные специалисты, знатоки национального права. Манифестом 15 декабря 1764 г. предписывалось создать на юридическом факультете Московского университета и в Кадетском корпусе «классы российской юриспруденции»; тем самым отменялась система подготовки гражданских чиновников при Сенате и коллегиях³⁴. Однако правовое образование шло с трудом. Так, в 1765 г. на правовом отделении обучался только один студент. В 1779 г. при Московском университете по инициативе ректора созданы дворянские классы. Изучение права стало обязательным элементом дворянского образования. В 1783 г. дворянские классы были преобразованы в Благородный пансион.

Первым профессором юридического факультета Московского университета стал австриец Филипп Генрих Дильтей, «заклучавший в себе одном долгое время весь факультет правоведения и читавший лекции почти на всех европейских языках, кроме русского. Ему обязана Россия первыми образованными юристами»³⁵. Ф. Г. Дильтей (1727—1781) — доктор прав Венского университета, с 1756 г. в Московском университете читал курс естественного права, вел курс истории русского права, а также права военного, морского и уголовного. Профессор Ф. Г. Дильтей пользовался заслуженным авторитетом и популярностью в Москве. Его лекции посещали не только студенты, но и многие жители Москвы. По свидетельству современников, на москвичей большое впечатление произвела прочитанная профессором публичная лекция о роли права в жизни общества.

Будучи не готовым к преподаванию внутреннего русского права, Дильтей принялся за изучение законодательства. В 1764 г. по поручению профессорской конференции он составил план преподавания на юридическом факультете. По его мнению, юридическая наука могла преподаваться лишь после законченного гуманитарного (философского) образования, в противном случае изучение права могло бы растянуться на 10—12 лет. Дильтей учитывал, что на факультете только один профессор (он сам), а потому предлагал следующий порядок преподавания дисциплин: 1) всеобщее или естественное право и право народное (как основа и фундамент всех прав); 2) установления римского права (здесь автор предлагал рассматривать российские законы с целью демонстрации их согласованности и, наоборот, противоречия с

³² Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917): Сборник / Сост. Ю. Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 27.

³³ Там же. С. 32.

³⁴ ПСЗ. Т. 16. №1 1989.

³⁵ Морощкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции. Ч. III. №8. С 225.

римским правом, т.е. отследить рецепцию); 3) право уголовное, право вексельное (как теория, так и российское законодательство); 4) право российское, обращенное в законоведение; 5) государственное право. Дильтей настаивал «на обязательной регулярной присылке» всех русских законов и просил передать ему двух студентов, уже занимавшихся изучением права, для оказания помощи в ознакомлении с российским законодательством и проведения его частной инкорпорации³⁶.

Основные сочинения Дильтея: «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею в пользу обучающегося российского дворянства» В 3-х ч. (М., 1762); «Начальные основания вексельного права, а особливо российского со шведским» (М., 1768); «Диссертация о наследованиях юридических или о дедукциях судебных дел» (М., 1781); «Собрание нужных вещей для сочинения новой географии Российской Империи» (М., 1781). В 1777 г. Дильтей издал учебник по истории русского права, а в 1779 г. — учебник по русскому праву и процессу для судей, который в соответствии с традициями того времени имел подробное название: «Исследование юридическое о принадлежности для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном». Дильтей одним из первых поставил вопрос о необходимости публикации законов и указов и об ознакомлении с действующим законодательством широких масс населения. «Скрывать законы..., — писал он, — есть обыкновение канцелярий российских, не говорю всех, но некоторых, как я уже и сам довольно опытом узнал»³⁷.

В 1767 г. юридический факультет Московского университета, состоявший из двух профессоров (Дильтея и Лангера), пополнился русскими учеными — С. Е. Десницким и И. А. Третьяковым, направленными в свое время для получения образования и подготовки к профессорскому званию в Англию в университет Глазго. По прибытии они были проэкзаменованы по всеобщей юриспруденции при участии Обер-секретаря III Департамента Сената и прочитали пробные лекции, заслужив одобрительные оценки профессорской коллегии³⁸. Решением конференции профессоров Десницкому было поручено преподавание римского права «с применением к русскому праву отдельных законов», а Третьякову — истории права, сначала естественного, а затем — римского с древностями³⁹.

Иван Андреевич Третьяков (1736—1776), защитив докторскую диссертацию в 1767 г. в Глазго (Шотландия), вернулся в Россию и с 1768 г. до конца жизни работал профессором права в Московском университете, преподавая юридическую науку русским студентам. Третьяков в своих произведениях пытался решать государственно-правовые проблемы своего времени в духе идеалов Просвещения и гуманизма. Научное творчество Третьякова оказало большое влияние на духовную жизнь мыслящих людей России второй половины XVIII в. Перу ученого принадлежат: «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» (1768 г.), «Слово о римском правлении и о разных оною переменах» (1769 г.), «Рассуждения о причинах изобилия и подлинного обогащения государств как у древних, так и нынешних народов» (1772 г.).

Следует отметить, что в 10—20-е годы XIX века (период действия устава 1804 года) интерес к политическим наукам в научных кругах России был очень высок. Достаточно указать на работы двух ученых, которые занимали важное место в интеллектуальной жизни России того

³⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: [В 3 т.] / Подгот. к печати Н. А. Пенчко... А. М. Горького]. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1960—1963. 3 т.; Т. 1: 1756—1764. 1960. №292.

³⁷ Дильтей Ф. Г. Начальные основания вексельного права, а особливо российского купно и швецкого. С прибавлением разных российских указов и с двумя диссертациями, к сему принадлежащими, для употребления в московском юридическом факультете / Сост.: Дильтей Ф. Г. Владимир: Тип. Губ. правл., 1801. С. 2.

³⁸ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. (1767—1786). М., 1963. №33, 37—40, 43, 46, 47.

³⁹ Там же. №42.

времени — А. П. Куницына и Н. И. Тургенева. Так, например, по «Тетрадам Горчакова» до нас дошли две работы Куницына (1818—1820), названия которых говорят сами за себя — «Право государственное» и «Изображение системы политических наук». А вот две работы другого мыслителя — Тургенева имеют еще более характерные названия: «Программа журнала „Архив политических наук и российской словесности“» (1819) и «Политика» (1819—1820), причем введение к последней работе озаглавлено «Нечто о главных основаниях Теории Политики». Все это, безусловно, свидетельствовало не только о большом интересе в тот период в России к политическим наукам, но и о серьезных, может быть, до конца и не реализованных намерениях по их развитию⁴⁰.

Большую роль в становлении университетской правовой науки сыграли, кроме А. П. Куницына и Н. И. Тургенева, также русские правоведы: В. Т. Золотницкий, З. А. Горюшкин. По существу, они выполняли миссию просветителей и сыграли большую роль в становлении и развитии правоведения в России. Излагая достижения западной юриспруденции, русские юристы не могли не чувствовать внутреннюю потребность излагать собственные идеи, отражавшие особенности теории и практики отечественного правоведения. «Удивительно, — писал Десницкий, — что в России до сих времен никакого почти особого старания к отечественной юриспруденции прилагается не было»⁴¹.

С конца 60-х гг. XVIII столетия, когда юридический факультет обогатился преподавательскими кадрами из россиян, удалось обратить особое внимание на изучение российского законодательства. В частности, в предписании куратора университета. Адодурова директору университета от 29 ноября 1767 г. прямо указывалось на необходимость следить за тем, чтобы на лекциях юридического факультета показывалось и «употребление российского права»⁴².

Приверженцем естественно-правовых взглядов был В. Т. Золотницкий. Его работа «Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества» (СПб., 1764) была поистине первенцем русской юридической литературы и имела огромное значение для формирования системы теоретических юридических категорий. Одним из способных учеников С. Е. Десницкого был В. Новиков. Он стал первым русским автором, издавшим в 1790 г. учебное пособие по праву: «Театр судоведения, или чтение для судей и всех любителей юриспруденции, содержащее достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусников и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и ставить полезное и приятное времяпрепровождение». В яркой публицистической манере В. Новиков утверждал, что право должно играть в жизни людей и общества такую же социально-инструментальную и дидактическую роль, как и литература.

Преподавание русского права в Московском университете в тот период ограничивалось военными и морскими артикулами, а первые примитивные учебники по праву компилятивного характера были изданы только в последнем десятилетии XVIII в., что позволило сделать вывод об отсутствии в России того времени самостоятельной национальной юридической науки западного уровня⁴³. Это было вполне естественным, ибо по объективным причинам к описываемому моменту не могло сложиться национальное правоведение «западного уровня», университетское образование находилось в стадии становления, российская правовая наука носила «рецептивный» характер, заимствуя у Западной Европы основные правовые идеи с доминантой доктрины естественного права⁴⁴.

⁴⁰ Мошелков Е. Н. История философии права в университетском образовании России (XIX — начало XX в.). С. 21.

⁴¹ Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции, в публичном собрании императорского московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года. М., 1768. С. 24.

⁴² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. (1756—1764). М., 1963. №72.

⁴³ Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.). / Ин—т Европы. М.: Наука, 1994. С. 259.

⁴⁴ Следует отметить, что освоение и систематизация западных теорий с самого начала в России сопровождалась их кри-

В начале XIX столетия идеи Десницкого о праве были восприняты видным представителем русского правоведения — Захаром Аникеевичем Горюшкиным. Долгое время (с конца 80-х гг. XVIII в. до своей смерти в 1821 г.) он пользовался большой популярностью в Москве, сначала как чиновник, готовый помочь правильно составить и направить куда следует прошение или челобитную, а потом как один из самых любимых профессоров Московского университета, где с 1786 г. по 1811 г. преподавал курс практического законоведения и истории русского законодательства. Горюшкин не получил никакого систематизированного образования, был «самоучкой». Право он изучал, служа в канцелярии Московского губернатора, а затем чиновником юстиц-коллегии.

Как и Десницкий, Горюшкин доказывал, что недостаточно одного практического знания, и для России вредно преувеличивать значение иностранного законодательства. «Убеждение его состояло в том, что теоретическое познание о законах отечественных необходимо оплодотворять изучением истории и древностей»⁴⁵. Итогом практической, научной, преподавательской деятельности Горюшкина стало издание им четырехтомного труда «Руководство к познанию Российского законоискусства» (СПб., 1811—1816), длительное время бывшего главным пособием для всех изучавших российское право.

Впервые в России Горюшкиным были составлены образцы юридических документов. Он уделял большое внимание не только форме, но и содержанию юридического документа, языку, стилю его написания, что способствовало развитию юридической техники, общей и правовой культуры. Главной целью преподавания правовых дисциплин Горюшкин считал необходимость формирования у обучаемых профессиональной этики, понимания роли и места юриста в обществе как неподкупного слуги закона.

В целом, бросая обобщающий взгляд на всю систему преподавания юридических дисциплин, и в особенности, касающихся философско-правовых, следует сказать, что российские ученые-государствоведы в полной мере использовали полученные выводы в области философии и юриспруденции, накопленные в Европе (и прежде всего в Германии), но курсы истории философии права, которые читались в университетах России на всем протяжении XIX века, не являлись в большинстве своем простым заимствованием, компиляцией зарубежных образцов, а строились и развивались на специфических концептуальных и идейных основах.

Содержание данной дисциплины состояло в изучении исторической эволюции идей и концепций о политике, власти, государстве, отношениях личности (гражданина) и государства. Для подготовки юристов данная дисциплина, которая преподавалась в совокупности с другой, имеющей также философский характер — «энциклопедией права» считалась чрезвычайно важной, поскольку давала студентам общие (философские) знания, представления о природе, системе причинных связей, принципах и механизмах политической и правовой жизни общества, и базировалось на понимании таких главенствующих понятий, как «государство», «власть», «политика», «право», «гражданин». В других университетских курсах (гражданское право и гражданское судопроизводство, уголовное право и уголовное судопроизводство, финансовое право, международное право и др.)⁴⁶ на теоретической базе истории философии права и энциклопедии права изучались уже конкретные законодательные системы, правовые институты и процедуры. Таким образом, история философии права вместе с энциклопедическим переосмыслением.

тическим переосмыслением. Об этом свидетельствует, например, речь С. Е. Десницкого в Московском университете 30 июня 1768 года, в которой он анализирует идеи ряда западных мыслителей и подвергает критике некоторые из них, в частности, концепцию естественного права Пуфендорфа (Мошелков Е. Н. История философии права в университетском образовании России (XIX — начало XX в.). С. 17—18.).

⁴⁵ Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. С. 37.

⁴⁶ Дудырев Ф. Ф. Российское юридическое образование в эпоху реформ (опыт сравнительно—исторического анализа) // Государство и право. 2005. №1. С. 88.

лопедией права закладывали универсальный, метафизический базис юридического образования, тогда как конкретные правоведческие курсы давали лишь практические знания⁴⁷.

Пытаясь определить национальные особенности русской философии права означенного периода, мы неизбежно приходим к выводу, что становление ее теоретического уровня во многом определялось отношением к государственной власти⁴⁸. Отсюда вытекали ее подходы к проблемам свободы и ответственности личности, отношения права и нравственности, нравственно-правового идеала. Такая ситуация объясняется тем, что любая культура, и в частности правовая, немислима как без своеобразного и неповторимого пути развития данного народа, так и без заимствования из других культур. Эти традиции сыграли большую роль в становлении русских правоведов, которые вносили национально-своеобразную специфику в правовые идеи, вытекающие из особенностей культурно-исторического развития России XVIII в. и последующих веков.

В заключение следует отметить, правовая антропология, зародившись как раздел философии права, исследующий человека в контексте юридической деятельности, проделала значительный путь в развитии российской юридической мысли. От первых попыток адаптации западных концепций до формирования самобытных школ, русские мыслители стремились осмыслить связь права с сущностью человека, его нравственными и религиозными идеалами. Обращение к правовой антропологии, к глубинным вопросам о природе человека и его месте в правовой системе, является необходимым условием для построения справедливого и эффективного правопорядка в современной России. Осмысление достижений русской философии права, поиск новых подходов к пониманию правопознания и его роли в формировании правовой системы — задачи, стоящие перед современной юридической наукой.

⁴⁷ Мошелков Е. Н. История философии права в университетском образовании России (XIX — начало XX в.). С. 7—8.

⁴⁸ Важное место в антидеспотической правовой литературе XVIII столетия, отмечает Э. Ю. Соловьев, занимает доказательство того, что судебная—карательная практика должна быть независима от правительства и изъята из контекста государственной прагматики / Соловьев Э. Ю. Личность и право // Вопросы философии. 1989. №8. С. 71.

§2. Правоантропологическая проблематика в трудах С. Е. Десницкого и А. П. Кунцына

В отечественной общественно-политической мысли и, в частности, философско-правовой, важное место отводится периоду 60—80 годов XVIII века. Этот период обогатил мировую культуру самобытными и уникальными произведениями, которые были не просто заимствованием (хотя и носили характер ученичества), но и представляли собой довольно широкие социально-философские концепции, в центре которой находилась человеческая личность, ее идеалы⁴⁹ и ценности.

Само время требовало ставить насущные вопросы общественного развития, которые находили свое отражение в произведениях русских просветителей, осмелившихся подвергнуть резкой критике крепостное право и теорию «просвещенного» абсолютизма. В России складывается, возможно, не во всей полноте своей силы, идейное течение, находящееся в резкой оппозиции к официальной идеологии; в центре его оформляется взгляд на бытие личности, имеющей право на охрану в каждом поколении и в каждую эпоху как источник и цель прогресса.

Одной из таких замечательных фигур русского общественно-просветительского движения и правовой мысли второй половины XVIII века был Семен Ефимович Десницкий. Являясь профессором юридического факультета Московского университета, он деятельно способствовал окончательному оформлению русской теоретической юриспруденции в самостоятельную научную и учебную дисциплину⁵⁰.

Следует считать неверными какие-либо попытки изучать развитие русской общественно-политической и правовой мысли в отрыве от развития передовых идей на Западе; многие западные философско-правовые идеи оказали теоретическое, а где-то и методологическое воздействие на русскую общественно-политическую и правовую мысль. В контексте же нашей темы укажем, что, необходимо показывать, что именно воспринял (или перенял) Десницкий у передовых западноевропейских мыслителей, что перенес на отечественную почву, от каких приоритетов отказался, в каких вопросах развил идеи западных мыслителей, какие проблемы решил по-новому.

Находясь на активных позициях гражданственности, в своих произведениях Десницкий не ограничивался чисто юридической проблематикой и теоретизированием. Он активно включился в идейную-теоретическую борьбу своего времени по философским вопросам, поднимаясь в ней в условиях господства религиозной идеологии даже до усилий противостояния ей в виде критики⁵¹.

В своих методологических и теоретических изысканиях Десницкий показал, на что следует акцентировать внимание в юридической практике: «Первое руководство, показывающее, в чем свойственность наших рассуждений состоит, есть нравоучительная философия, натуральная юриспруденция и кроме сих учение природы человеческой... (курсив мой — К.У.)»⁵².

⁴⁹ Идеалы, отмечает С. Л. Ивашевский, имеют социо—культурную природу, они сотворены человеком. В этой связи российская философско—правовая традиция обрела выраженный антропоцентристский характер /Ивашевский С. Л. Проблема сущности права в истории отечественной философско—правовой мысли // Государство и право. 2007. №12. С. 66.

⁵⁰ Покровский С. А. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. М., 1955.; Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль в России второй половины XVIII в. М.: «Наука», 1984.

⁵¹ Грацианский П. С. Десницкий С. Е. М.: «Юридическая литература», 1978.; Бак И. С. С. Е. Десницкий — выдающийся русский социолог // Вопросы философии. 1955. №1. С. 57—66.

⁵² Томсинов В. А.. Российские правоведы XVIII — XX веков. Очерки жизни и творчества: В 2—х томах. Т. 1. М.: Зерцало, 2007. С. 149.

Объясняя особенности развития общественных и производственных явлений, Десницкий широко использовал в своих работах «способ исторический». Развивая вслед за Ломоносовым материалистическую линию исторического процесса, идею изменчивости мира, Десницкий отрицал абсолютный покой и неизменность в природе и обществе — доказывал подверженность природных и общественных явлений «порывчивым движениям», переходам из одного состояния в другое. Изменениям, говорил он, подвержены не только растения и животные, но и человек⁵³. В ранних своих работах С. Е. Десницкий, отмечает П. С. Грацианский, подобно Давиду Юму, исходит из того, что природа человека остается неизменной на всех этапах развития общества и что наблюдения о влечениях и склонностях человека любой эпохи остаются верными для всех остальных эпох⁵⁴. Со своей стороны отметим, что в поздних работах Десницкий уже не придерживается теории о неизменности человеческой природы, на каждом этапе хозяйственной деятельности она представляется ему различной.

Изучая мировую и отечественную историю, Десницкий видит в ней основу понимания формирования и функционирования основных общественных институтов. В центре его теоретического внимания оказывается общественный быт и хозяйство отставших в своем ступенчатом развитии народов. Опираясь в своих изысканиях, прежде всего, на данные этнологии⁵⁵, Десницкий пытается установить действительную картину происхождения и развития власти, государства, права, собственности, родительской власти над детьми и других институтов.

Более того, в рамках «исторического способа» Десницкий считал необходимым исследование древних памятников русского права, использовал для обоснования своих выводов факты, заимствованные из «Истории Англии» Д. Юма и других исторических источников.

На основании обобщения большого фактологического материала правовед формулирует свое знаменитое учение о четырех состояниях «рода человеческого», из которых «первобытным почитается состояние народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами, саморождающимися на земле; вторым — состояние народов, живущих скотоводством, или пастушеское, третьим — хлебопашественное; четвертым и последним — коммерческое... По оным четверояким народов состоянием мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспевания в науках и искусствах»⁵⁶.

Учение о трех ступенях развития человеческих сообществ — охотничьей, пастушеской и земледельческой — было создано еще античными авторами. Эта теория находила себе сторонников и в более позднее время. А. Смит, Д. Миллер, У. Робертсон в Шотландии и А. Р. Тюрго во Франции также восприняли эту теорию, но дополнили ее учением о четвертой ступени⁵⁷.

Характер этих дополнений существенно различен у каждого из указанных авторов, еще более различно использование положений этой теории в ходе анализа конкретного источниковедческого материала. Переход из одного состояния в другое Десницкий связывает с изменениями в хозяйственном быте каждого народа. Так, переход к пастушескому состоянию вызван «заведением в собственность животных, или, иначе сказать, скотоводством и небольшим хозяйством». Особенное, и главное, отличие в причинах перехода к коммерческому состоянию Десницкий видел в том, что «искусства и рукоделия» начали производиться «особливыми и наричатыми мастерами», и уж из этого выводит появление купечества⁵⁸.

Десницкий много и серьезно занимался вопросами русского права, в частности он работал над двумя большими сочинениями: «пространнейшем исследованием» о собственности и

⁵³ Бак И. С. С.Е. Десницкий — выдающийся русский социолог. С. 58.

⁵⁴ Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль в России второй половины XVIII в. С. 92.

⁵⁵ Грацианский П. С. Десницкий С. Е. С. 44.

⁵⁶ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: вторая половина XVIII в. / под ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 244—245.

⁵⁷ Грацианский П. С. Десницкий С. Е. С. 45—48.

⁵⁸ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 257.

исследованием по семейному праву. Эти две работы до нас не дошли. Ряд вопросов русского права рассматривается в речах Десницкого, в особенности в «Слове о причинах смертных казней по делам криминальным», (1770 г.). В главе делается попытка восстановить содержание первых двух работ, а также анализируется «Слово о причинах смертных казней». Изложению этих вопросов предпослана краткая характеристика метода, которым пользовался Десницкий при исследовании действующего права.

Представления Десницкого о методе правовых исследований сложились под влиянием М. В. Ломоносова. Так же как Ломоносов, Десницкий подвергал резкой критике эмпирическую юриспруденцию, которая сводится «к безмерному и беспорядочному множеству законоучительных примечаний», чтение которых отнимает «у всех почти размышление», утомляет «рачительную память» и в изнеможение приводит «всю остроту разума и рассуждения».

Десницкий считает необходимым составить «самократчайшее наставление всероссийских прав, в которых разделение и оглавление надлежит иметь весьма применительно к свойству российского правления и закона. С целью облегчить создание такого «наставления...». Десницкий разработал систему русского права.

Одним из первых известных произведений, где Десницкий излагает свои аналитические взгляды на государство и право, является «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции». Составной частью «Слова...» является «Рассуждение о происшествии имущества, власти и старшинства в народах, от которых происходит их правление». Русский правовед называет три причины возникновения власти отдельных индивидуумов над остальными членами общества; они кроются в превосходстве — в физической силе, в уме, в богатстве — и разбирает в отдельности каждую из этих причин⁵⁹.

По мнению русского мыслителя, правовые нормы существуют в человеческом обществе на всех ступенях его развития. На первых этапах законы «бывают просты и немногие». И это продолжается до тех пор, пока некоторые из членов общества не сосредотачивают в своих руках значительного имущества. Затем появляются законы усилиями представителей тех, кто имеет имущество; эти законы охраняют собственность. Все это ведет к усложнению системы права. Десницкий так пишет об этом: «Но как скоро польза и надобность вещей движимых и недвижимых стала народам столь чувствительна, что многие через потеряние оных в разорение проходить казались, то отсюда начали в обществах происходить тяжбы, ссоры и смертоубийства, для отвращения которых законы сысканы, показующие в чем святость прав и в чем принадлежащая всякому собственности и наследие состоит»⁶⁰.

Окончательно право собственности, по мнению Десницкого, оформляется только в коммерческом состоянии, что связано с отделением ремесла от земледелия и вытекающим отсюда развитием торговли. Вместе с этим обстоятельством Десницкий указывает и еще одну причину — большее представление об общепользности, происходящей от утверждения собственности, установившейся среди народов в коммерческом состоянии⁶¹. И таким образом, возникновение этой причины Десницкий никак не связывает с изменениями в хозяйственном быте.

Только в «возвышенном народов состоянии» возникают «сами правления государственных». Возникновение государства и его устоев русский правовед связывал с началом и происхождением собственности⁶². В своих работах он утверждал, что всем первоначальным государствам свойственно «феодалное правление». Его возникновение связано с введением «собственности в земле».

⁵⁹ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 164—170.

⁶⁰ Там же. С. 152.

⁶¹ Там же. С. 256.

⁶² Там же. С. 257.

Систему права Десницкий строил по институционной системе, указывает П. С. Грацианский, различая «троякий предмет законов, то есть персоны (курсив мой — К.У.), вещи и обязательства с принадлежащими к сим последним челобитными». Значительное внимание в своих трудах Десницкий уделял праву собственности. Он относил право собственности к числу неотъемлемых прав человека⁶³. Человек, указывает Десницкий, имеет природные права пользоваться беспрепятственно своею жизнью, здоровьем, честью и собственностью⁶⁴.

По мнению П. С. Грацианского, Десницкий определяет право собственности как право на вещи. Своей конструкцией он косвенно критикует крепостное право, в соответствии с которым человек — крепостной крестьянин рассматривается как объект собственности помещика⁶⁵.

Значительное внимание уделял правовед вопросам семейного права и связанными с ними этическими проблемами, которые получили освещение в следующих работах: «Рассуждение о родительской власти, которую у римлян имел отец над своими детьми...» и «Юридические рассуждения о начале и происхождении супружества...».

Важный антропологический концепт, касающийся взаимосвязи права нравственности, выражен у Десницкого оригинально и прогрессивно для своего времени. Подчеркивая самостоятельность своей этической установки, русский просветитель недвусмысленно говорил о своем разрыве с традиционными этическими системами⁶⁶.

Носителями и побудителя соблюдения норм морали являются, по мнению правоведа, сила общественного мнения и его воздействие, а также удовлетворение, которое испытывает человек от осознания соответствия своих поступков требованиям нравственности.

В «Слове о причинах казней по делам криминальным» Десницкий, опираясь на некоторые положения этики А. Смита, предпринял попытку отграничить юридическую ответственность от прочих видов ответственности, определить сферу действия уголовно-правовой ответственности. Уголовная ответственность возможна только за нарушение законов, которыми защищаются здоровье и жизнь и которые берегут собственность и владение. Что же касается нарушения контрактов, то это дело не криминальное⁶⁷.

С. Е. Десницкий латинские термины, почерпнутые у А. Смита, — «*justitia expletrix*» и «*justitia attributrix*», — переводит на русский язык словами «истина исполнительная» и «истина воздаятельная». «Исполнительная истина велит делать то, что только по строгости прав требовано быть может от целого света... Напротив сей, истина воздаятельная требует только того, что всякому по людскости и человечеству должно отдавать»⁶⁸.

Представляя обстоятельный обзор общественно-политических и правовых взглядов русского правоведа, М. Д. Загряцков отметил: «Основой системы государственного права, образовавшей второй раздел „натуральной юриспруденции“, Десницкий считал личные права граждан. Уже здесь он противопоставлял „природные“ права граждан — право пользоваться беспрепятственно своею жизнью, здоровьем, честью и собственностью... — правам „приобретенным“, точнее, связанным с сословием и экономическим строем России того времени... Десницкий дал здесь построение, аналогичное тому, которое *сто* (курсив мой — К.У.) лет спустя легло в основу теории публичных прав Еллинека. Последний также исходил из допущения прав, непосредственно связанных с личностью — „безобъективных“ состояний»⁶⁹. Конечно же, русский просветитель и правовед для своего времени не мог понять, что существующая власть

⁶³ Грацианский П. С. Десницкий С. Е. С. 93—94.

⁶⁴ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 261.

⁶⁵ Грацианский П. С. Десницкий С. Е. С. 92—93.

⁶⁶ Покровский С. А. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. С. 61.

⁶⁷ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 185.

⁶⁸ Там же. С. 187.

⁶⁹ Загряцков М. Д. Общественно—политические взгляды С. Е. Десницкого // Вопросы истории. 1949. №7. С. 107.

была призвана охранять интересы богатых, их собственность, их общественные привилегии и держать в подчинении и строгом повиновении бедных и неимущих⁷⁰.

Следует отметить неподдельный интерес, который проявили декабристы к теоретическому наследию Десницкого. В 1819—1823 гг. активные члены Вольного общества любителей российской словесности — Рылеев, братья Бестужевы и Кюхельбекер — прилагают усилия к выпуску четырехтомного издания: «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного». Значительное место этого издания занимают речи Десницкого, произнесенные в присутственных местах. А в краткой биографии просветителя, включенной в это издание, он характеризуется не только как ученый, но и как общественный деятель⁷¹.

С. Е. Десницкий был не только выдающимся ученым-правоведом, видным просветителем, но и гражданином — человеком для которого не чужды были интересы общества и его широких слоев. Его выдающиеся не только для своего времени произведения являлись по своему глубокому содержанию не только научными трактатами, но и произведениями, выражавшими передовое прогрессивное мировоззрение, на многие годы предопределившими его современников.

В заключение следует с полной уверенностью отметить — С. Е. Десницкий явился первым провозвестником антропологического направления в отечественной истории государства и права, сумевший и посмевший в условиях господства самодержавия и крепостничества заявить свой голос в защиту естественных человеческих ценностей, независимо от сословной и иной принадлежности — жизни, чести, достоинства. А. П. Куницын стоял у истоков формирования традиции уважения свободы, гражданских и личных прав, свободомыслия и веротерпимости, стремления служить обществу, а не власти.

Исследованиями современных авторов в области поворота научного сообщества XVIII в. сторону человека было установлено, что, начиная с XVIII в. в российском обществе стало формироваться уважение к таким человеческим и гражданским ценностям как свобода, личные и гражданские права, свободомыслие и веротерпимость. На теоретическом уровне и в академических кругах осмысливался вариант конституционного развития России, ограничения самовласти по воле самого монарха. У истоков этого процесса, поначалу чисто интеллектуального, стояли передовые и прогрессивно мыслящие представители российского просвещенного общества⁷². Одним из них был Александр Петрович Куницын⁷³ (1783—1840) — выдающийся русский юрист, гуманист.

В речи на открытии этого учебного заведения 19 октября 1811 г. «Наставление воспитанникам Царскосельского лицея», Куницын призвал слушателей не к верноподданности и раболепию перед властью держащими, а к гражданскому служению Отчизне. В письме к В. Кюхель-

⁷⁰ Очерки по истории философской и общественно—политической мысли народов СССР. В 2 т. /Под ред. Г. С. Васецкого, М. Т. Иовчука, А. Н. Маслина, А. Ф. Окулова, З. В. Смирновой, И. Я. Щипанова. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. Т.1. С. 267.

⁷¹ Грацианский П. С. Десницкий С. Е. С.102.

⁷² Гимишян Л. С. Государственно—правовые воззрения А. П. Куницына: Дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 2.

⁷³ Лит. о нем: Куницын Александр Петрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907.; С.—Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819—1919. Материалы по истории С.—Петербургского университета. Т.1. 1819—1835. /Под ред. С. В. Рождественского. 1919. 760 с.; Руденские М. П. и С. Д. Наставникам... за благо воздадим. Л., 1989.; Яценко О. А. Куницыну дань сердца и вина... // И в просвещении стать с веком наравне. Сборник научных трудов Всероссийского музея А. С. Пушкина. СПб., 1992. С. 45—56.; Яценко О. А. А.П. Куницын. // Философия в Санкт—Петербурге. 1703—2003. Справочно—энциклопедическое издание. СПб., 2003.; Русская философия. Энциклопедия. Изд. второе, доработанное и дополненное. Под общей редакцией М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М., 2014, с. 310—311.; Смирнов Ф. Н. Мировоззрение А. П. Куницына // Вестник МГУ. Сер. 8.1963. Ка 5; Каменский З.А. Философские идеи русского просвещения. М., 1971; Яценко О. А. А.П. Куницын: невостробованное наследие // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1995. Вып. 2. Смирнов Ф. Н. Мировоззрение А. П. Куницына // Вестник МГУ. Сер. 8.1963. Ка 5; Каменский З. А. Философские идеи русского просвещения. М., 1971; Яценко О. А. А.П. Куницын: невостробованное наследие // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1995. Вып. 2.

бекеру директор лицея Энгельгардт отмечал, что Куницын на кафедре беспрестанно говорил против рабства и за свободу⁷⁴.

Главной работой А. П. Куницына становится книга «Право естественное». Эта книга, отмечает Г. Ф. Гараева, стержнем содержания которой было уважение к человеку, к его достоинству и правам независимо от его происхождения и социального положения, звучала чрезвычайно прогрессивно в условиях существования в России крепостного права⁷⁵.

Будучи приверженцем идей И. Канта, Куницын в книге «Право естественное» представлял право как неотъемлемую часть нравственной философии; он развивал естественно-правовые идеи на рациональном основании и выводил их истоки из природы человеческого разума. В отличие от положительных законов, в основе которых лежал произвол и воля законодателя, Куницын предлагал правоучение называть естественным — ведь оно, по его мнению излагает законы, выводимые из природы разума человеческого.

Все люди, наделенные от Бога разумом как отличительным признаком, все могут быть рассмотрены как равные и подобные друг другу существа. Они, с одной стороны, приходят к объективному пониманию естественного права, а с другой стороны — в силу того, что обладают разумом, способны следовать этому, естественному, праву.

Естественное право предоставляет человеку первоначальное понятие о справедливости. Право положительное, исходящее от законодателя, имеет в виду кроме справедливости пользу граждан; естественное же право имеет целью одну только справедливость⁷⁶.

Право, имеющее разумное и справедливое основание, немислимо без свободы. Свобода человека защищаемо правом человека в пределах дозволенных действий. Взаимосвязь права и свободы особо выделяется Куницыным — чем больше человек имеет прав, тем большую имеет свободу; и, напротив, чем меньше имеет прав, тем меньше для него свободы⁷⁷.

Тема свободы, отмечает Г. Ф. Гараева, занимала особое место в философско-правовом творчестве А. П. Куницына. Он понимал свободу как системное проявление — и на уровне слова, и на уровне мысли, и на уровне действия. По сути, это взаимосвязь свободы воли, свободы мысли и свободы действия. При этом А. П. Куницын говорит о свободе каждого человека как важнейшей антропологической характеристике, провозглашая людей изначально свободными и равными существами. Поэтому он выступает против неравенства, унижения чести одного человека другим, безусловного подчинения барской воле, а не гражданским законам, что, конечно, звучало весьма прогрессивно в условиях существования крепостного права в России⁷⁸.

Ученый-правовед также выступил против такого порока российского общества как сословное неравенство. Поскольку естественные права присущи всем людям без исключения, постольку противоестественным явлением оказывается существование в обществе особых людей или сословий. Гуманист по сущности своей считал — никто по природе не имеет преимущественного права требовать особой чести, настаивать на том, чтобы другие хвалили их и оказывали перед ними знаки унижения⁷⁹. Перед лицом естественного права все равны и оно не делает различий для разных категорий граждан. К тому же естественное право — это равенство прав и обязанностей при отсутствии привилегий и исключений.

Русский правовед большое внимание уделял в своем философско-правовом творчестве анализу первоначальных прав, которые конкретизировали естественное право. Такими глав-

⁷⁴ Габоу Г. Общественно—политические и философские взгляды декабристов. М.: Госполитиздат, 1954. С. 75.

⁷⁵ Гараева Г. Ф. Философско—правовые взгляды А. П. Куницына и развитие естественного права в России // Теория и практика общественного развития. 2015. №23. С. 89.

⁷⁶ Куницын А. П. Право естественное: Ч. 1—2; СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. Ч. 1. С. 2.

⁷⁷ Там же. С.31.

⁷⁸ Гараева Г. Ф. Философско—правовые взгляды А. П. Куницына и развитие естественного права в России. С. 90.

⁷⁹ Куницын А. П. Право естественное. Ч. 1. С. 38.

нейшими правами, по его мнению, отражающими совокупно естественное право, являются: право существования, право употребления собственных сил и право достигать благополучия. Конечно, этот подобный подход дает обобщенное представление о естественных правах человека, но в совокупности системно отражает человеческую бытийственность и его целеполагание. Он также конкретизирует эти права дальше и, сохраняя приверженность либеральным принципам, уточняет — право употреблять собственные силы раскрывается, в том числе, и в праве свободно объяснять, не навязывая, свои мысли другим людям.

Высшим проявлением гуманизма представляются и сегодня мысли А. П. Куницына о единой природе естественных прав для всех без исключения людей, в том числе с физическими или духовными недостатками, детей и т. п. Естественное право — исключительно антропоцентричное явление, аксиологический уровень которого проявляется как первичное отношение к любому человеку. Такой подход представляется А. П. Куницыну в качестве долженствования и на уровне государственно-правового регулирования, и в межличностных отношениях.

Чем объяснить, что следование естественному праву обретает долженствующий, по сути, принудительный характер? А. П. Куницын приводит главный аргумент в пользу должного характера естественного права и следования — оно нерукотворно, не создано человеком. Оно явилось как данность, как природа или законы человеческого разума. Благодаря поэтому естественному происхождению, права первоначальные суть неотчуждаемы и неотъемлемы: то только право может быть отчуждаемо, которое зависит от свободы деяния; первоначальные права же не зависят ни от какого свободного деяния. Более того, все свободные деяния человека зависят от прав первоначальных, поскольку самая свобода людей в действиях зависит от их нравственной свободы⁸⁰.

В лекционных курсах Куницын подразделяет естественное право на частное и публичное право. В частном праве все люди выступают как существа независимые и равные между собою по правам и обязанностям; они состоят под законом собственного рассудка и под защитой собственной частной силы. В публичном праве они выступают уже как существа, полностью зависимые от единой, над ними стоящей верховной власти.

К частному праву относятся: право естественное, частное в тесном смысле (врожденные и приобретенные права человека) и право семейственное. Публичное право охватывает: право естественное государственное, регулирующее отношения между верховной властью и подданными, а также отношения между гражданами; право естественное народное», регулирующее отношения независимых народов.

В типографском труде система естественного права получает еще больший пересмотр. Здесь оно подразделяется на две части; им соответствуют две книги этого труда:

- 1) право чистое (рассматриваются права и должности людей, выводимые непосредственно из их природы);
- 2) право прикладное (охватывает права и должности, выводимые из природы известных отношений и обстоятельств, в которых люди находятся.

Чистое право включает в себя:

- 1) безусловное право (рассматривает первоначальные (т.е. природные) права человека;
- 2) условное право (производные или приобретаемые права)⁸¹.

Рассуждения правоведа о положении личности тем более интересны и прогрессивны для своего времени. По мнению Куницына, личная свобода каждого гражданина должна быть подчинена воле правителя, так как цели государства и цели гражданина совпадают. Но, оговарива-

⁸⁰ Там же. С. 41.

⁸¹ Там же. С. 7.

ется русский правовед, гражданин подчинен властителю в той степени, в какой его цель отвечает цели государства; при всех других условиях он остается свободным и независимым, при сохранении его обязанностей обществу⁸².

Просветитель и правовед рассуждает о сущностной природе человека как о предмете рассмотрения в философском формате. Человек, самой природой явственно отличающийся от других существ, — является утверждением принципа сопряженности и взаимообусловленности телесного и духовного, чувственного и разумного. В представлении мыслителя человек имеет амбивалентную природу: чувственную и разумную⁸³. Проблема чувственной природы человека знакома Куницыну; он рассуждает о ней здраво и проникновенно.

Для Куницына человек органически целостен; его внутренний мир предполагает сопряженность свойствами разума и чувств. Человек способен к наблюдению своих внутренних состояний и переживаний. Психические явления, свойственные одному лишь человеку; они сопутствуют ему всю его жизнь; они многофункциональны и многозначны.

Желания человека отражаются его чувственной природой человека; они находят воплощение через его волю. Осуществление воли мыслитель видит в понимании ее как хотение, если человек желает обрести определенный предмет; и отвращение, если подобное желание у него отсутствует. Куницын в полном соответствии с духом и традицией «просвещенного века» остается верен положению о том, что человек благодаря чувственной стороне своей сущности желает только того, что считает добрым и отвращается от того, что находит злым⁸⁴.

Оставаясь человеком «просвещенного века», Куницын определяет человека как доброе существо по своей внутренней природе. В свою очередь, человек называет добрым все то, что соответствует его доброй природе и благодущию, которые производят в нем приятное благостное ощущение. Он полагает человека свободным; его свобода располагает его поведением, делает его решительным, т. е. склоняющим свою волю к осуществлению предмета⁸⁵.

Человеку, как рациональному существу, его разумная природа раскрывает любую вещь или явление в их собственном предназначении. Здесь просветитель поступает в полном соответствии с общим просветительским начертанием человека, которое было задано его предшественниками — Татищевым, Новиковым, Радищевым, Херасковым, а именно вера в разумность действий человека. Разум предписывает воле правила; таким образом, доказывает ее свободу действий, поскольку через это предполагается в воле возможность поступать различным образом, а не по одной какой-либо необходимости⁸⁶.

Обращаясь к опыту предшествующих поколений мыслителей, Куницын не оставляет без внимания духовно-личностные основания прав личности в связи с правом вообще. В своей философско-правовой системе Куницын находит место поиску рациональным человеком с присущей ему свободной волей связей и социальных норм, могущих в качестве социальных условий помочь ему осуществить свой жизненный путь. В русле осуществления жизненного плана у человека строится понимание индивидуальной свободы как базовой составляющей неотчуждаемого права.

Русский правовед к аргументации проблемы прав человека подходит с определения нравственной философии как дисциплины, в которой представлены законы, предписываемые воле разумом. Как гуманист, он возводит разум вверх над чувствами; отсюда становится вполне обоснованным его желание сформировать концепт понятий о человеке, описать бытийствен-

⁸² Там же. С. 609.

⁸³ Там же. С. 5.

⁸⁴ Там же. С. 205.

⁸⁵ Там же. С. 4.

⁸⁶ Там же.

ность человека, для которого нравственность — есть, прежде всего, естественное проявление его сущности.

Согласно Куницыну, естественное право — это права и обязанности человека, которые имеют природное происхождение; более того — они вытекают из тех взаимоотношений, в которые он вовлечен в системе общественных взаимосвязей. Из всех составных и важных сущностей человека он выделяет основную потребность — естественное право человека на свободу, в том числе и свободомыслие. Мыслитель прямо пишет в своем труде — сохранение свободы во всех ее проявлениях — есть общая цель всех людей. Ее они могут достигнуть только при условии соблюдения взаимных прав и точным исполнением обязанностей⁸⁷.

В русле своих теоретических измышлений правовед приблизился к началам нравственной психологии, в которой стержневым основанием является, конечно же, личность. Он опосредованно рассматривает проблемы внутреннего нравственного пространства человека, понимания самого человека как нравственного феномена. Нравственная ориентация рассматривается Куницыным не как результат внешнего давления, а прежде всего как суть, имманентно составляющая человека и являющаяся путеводной нитью его нормального развития (жизненного пути). Он утверждает идеи обеспечения личного благополучия через доброе отношение друг к другу. Он полагает нравственное развитие человека как норму. Этот путь способствует формированию условий, помогающих личности осознать, что свобода может быть нарушена в ней чувственными желаниями и страстями других людей, которые препятствуют законно ею пользоваться.

Появление понятия «личность» в философско-правовой системе Куницына, в которой зафиксирован особый способ бытия человека в мире, объяснимо, поскольку он как правовед и историк права был знаком с встречавшимся в различных древнерусских документах понятием «лицо». Оно обозначало в современном понимании «субъект права» и правовых отношений.

Куницын разумеет личность, прежде всего, как синоним понятия «самостоятельный» человек — он имеет право на себя самого, на свою автономность, на собственное лицо (право личности), располагает своими духовными и телесными силами «по своему усмотрению» и требует, чтобы ему в том не чинили препятствия как объекту субъективных преобразований себя и окружающего мира⁸⁸.

Именно в праве целостного существования и как преобразующий окружающую действительность человек как личность обнаруживает себя и самоидентифицируется — в праве употребления своих сил, способностей и достижения благополучия через их употребление⁸⁹. Русский правовед уверен — личность проявляет себя уже в том, что в его свободном личном распоряжении его жизнь, на протяжении которой он нравственно и духовно совершенствуется и реализуется.

Жизнь человека рассматривается в совокупности и целостности его телесных и духовных-познавательных сил, способностей и потребностей. Для Куницына важна не только целостность человеческой жизни, но и духовная целостность человека в ее нравственном проявлении и совершенствовании, стремлении к нему. Признавая за личностью право на нравственную реализацию себя в жизни, личной независимости от других, Куницын по-своему понимает уникальность и универсальность личности как автономного существа.

Личность обнаруживает себя в действиях, как внутренних, так и внешних. К ним мыслитель относит способности: мыслить и желать, свободно объяснять свои мысли другим людям», усовершенствовать себя⁹⁰. Свобода мысли у Куницына напрямую сочетается со свободой

⁸⁷ Там же. С. 14—15.

⁸⁸ Там же. С. 53, 55.

⁸⁹ Там же. С. 56.

⁹⁰ Там же. С. 60.

воли⁹¹. Личность стремится к благополучию, поэтому вольна, по мнению Куницына, избирать требуемый для этого образ жизни и вид деятельности, род занятий, который почитает сходным с собственным благополучием⁹². Куницын специально подчеркивал, что человек, будучи существом самостоятельным и стремящимся к благополучию, имеет право личности. Здесь важно заметить, что само понятие личность в представлении Куницына закрепляется законом⁹³. Благополучие личности, успешность в ее развитии видится Куницыну как достижение «доброй славы» (чести)⁹⁴. Честь становится духовным стержнем личности, который оберегается естественным правом. Морально-психологическое состояние благополучия высоко ценится личностью, оно включает все высшие ценности, осознаваемые человеком.

Образ жизни рассматривается русским мыслителем в контексте правовых отношений и норм (государственное, общественное, семейное право), благодаря которым общественная система сохраняется как условие для усовершенствования природы человека, его личности. Личность нуждается в обществе и проявляет себя в нем. В концепции Куницына предусматривается определение понятия «общество», которое понимается как совокупление людей для достижения общей цели соединенными силами⁹⁵. То, что непосильно одному человеку в плане достижения поставленной цели, становится возможным благодаря «совокупным» силам многих людей — силой общества⁹⁶. Куницын продолжает здесь философско-психологические традиции, берущие исток в размышлениях Хераскова, Новикова, Радищева, других российских просветителей. Собственные размышления Куницына подводят его к выводу о том, что все «способности» человека доказывают его предназначение для людского сожителства. Культура породила сожительство с другими человека, она же формирует сознание своего носителя, творит и структурирует его личность. Своими взглядами Куницын создал почву для предположения о существовании в его представлениях такого понятия, как «структура личности»⁹⁷. В эту структуру личности можно включить телесные и познавательные возможности, условия их реализации, ценности (свобода, благополучие, человечность, борьба), нормы взаимодействия в обществе (социально-правовые представления). Целостность структуры личности, по Куницыну, должен обеспечить выбранный образ жизни, род занятий человека, те ситуации людского общежития, которые актуализируются в правовом пространстве. Поэтому Куницын стремится понять жизненный путь человека и те права, которые востребованы на всех уровнях его деятельности и отношений. Можно сказать, что в работах Куницына уже обнаруживается намечающаяся дифференциация понятий «человек» с его телесными и познавательными возможностями и «личность» с ее желаниями, запросами и потребностями в людском сожительстве. Для своего времени это стало значительным достижением, поскольку в таком понимании «личность» еще не описывалась в работах русских философствующих психологов XVIII столетия.

Останавливается автор «Права естественного» на вопросах человеческой борьбы, помогающей понять человеческую природу. У Куницына психологическая мысль охватывает истоки борьбы (возникавших в истории войн), лежащие в сферах материального (хозяйственные дела, «нужды»), социального (взаимоотношения с другими) и духовного (познавательные запросы, потребности развития и совершенствования) существования человека. Интерес для нас представляет способ его описания человеческой борьбы, особенно когда Куницын определяет усло-

⁹¹ Там же. С. 61.

⁹² Там же. С. 69.

⁹³ Русские просветители. (От Радищева до декабристов): собр. произведений: в 2 т. М.: Мысль, 1966. Т. 2. С. 277.

⁹⁴ Куницын А. П. Право естественное. Ч. 1. С. 69.

⁹⁵ Там же. Ч. 2. С. 3.

⁹⁶ Там же. С. 6.

⁹⁷ Иванов Д. В. Человек борющийся как идея национальной философии образования: милитарная рефлексия А. П. Куницына // Кросс—культурный подход в науке и образовании: мат. ежегод. семин. Новосибирск, 2012. Вып. 7. С. 67—71.

вия, необходимые для проявления усилий (борьбы) индивидов с благополучным исходом и в соответствии с возникающим здесь правом.

В своих изысканиях русский мыслитель опирается на культурно-исторический опыт описания борьбы, особенно там, где вопросы касаются естественного права человека. Куницын в своих сочинениях представляет сущность человеческой борьбы, которая обнаруживается у него в самой своей причинности и содержании.

В конкретно-правовых представлениях Куницына человек может и должен защищать свою жизнь и бороться, реализуя силы, дарованные природой. Всякое покушение на целостность телесных сил человека есть нарушение свободы, которое может быть отвлечено силою⁹⁸. Познавательные силы, ценные для человека, мыслитель рассматривает как внутренние, которые непосредственному влиянию других не подлежат. Однако то, что препятствует проявлению, например, телесных способностей, может оказать негативное влияние и на становление познавательных (нравственных) сил человека. В этом случае Куницын также допускает борьбу⁹⁹, которая должна способствовать формированию нравственных сил человека. Человеческая борьба может быть представлена как во внутреннем, так и во внешнем своем проявлении. Действия человека суть внутренние и внешние¹⁰⁰.

К внутренним действиям Куницын относит способность мыслить и желать. Такие действия не нарушают права других людей и являются неоспоримым правом человека. Человек сам ставит цели, выбирает средства, соотносимые с их пониманием, знанием о них. Достижение цели зависит от истины познания средств, от целостного развития человека, зрелости его разума, твердости волевых решений. Куницын как специалист в области моральной философии и нравственной психологии отдавал себе отчет в том, что стремящийся к правде, истине (или обозначенной цели) человек обладает не только разумом и знанием, но и духовным зерном.

Поэтому, мыслитель соотносит внутренний мир (психику) человека, борющегося с теми действиями, которые он совершает. Люди должны соблюдать внутренние — нравственные и внешние — юридические законы. Необходимость, которая выражается законами разума, называется у Куницына нравственной и отличается от физической, содержащейся в вещественных законах мира¹⁰¹. Влияние нравственной необходимости на поведение, деятельность человека определяет его должность¹⁰², возможности проявлять себя в обществе по внутренним побуждениям, по тем моральным категориям и определениям, которые обоснованы и вынесены личностью из собственной внутренней борьбы, способствующей этому.

Человеческие деяния, составляющие должность личности могут относиться либо к ней самой, либо производить перемену в других. В том случае, если есть согласование с волею других лиц, то человек осуществляет достижение цели. В случае отсутствия согласования происходит «противоборство частных волей»¹⁰³, предполагаемые цели развития не достигаются. Человек должен разумно действовать, чтобы не быть останавливаемым другими, поскольку каждый внутренне свободен и зависит от законов разума¹⁰⁴. Однако Куницын выделяет и причины, ослабляющие действие разума: это сильные чувствования и воспламенения, возбуждаемые впечатлениями или силой человеческого воображения. Человек, увлекаемый страстями, вопреки разуму есть раб оных¹⁰⁵. В этом случае человек склоняет других людей силою при-

⁹⁸ Русские просветители. Т. 2. С. 234.

⁹⁹ Там же. С. 234.

¹⁰⁰ Там же. С. 234.

¹⁰¹ Куницын А. П. Право естественное. Ч. 1. С. 19.

¹⁰² Там же. С. 19.

¹⁰³ Там же. С. 21.

¹⁰⁴ Русские просветители. Т. 2. С. 215.

¹⁰⁵ Куницын А. П. Право естественное. Ч. 1. С. 5.

знать его права доминирующими. В описании человеческой борьбы у Куницына появляется такое понятие как принуждение¹⁰⁶. Принуждение может быть психологическим и физическим. Борющемуся человеку приходится «преодолевать» любое из этих принуждений. Когда человек может превозмочь внешнюю причину, его направляющую, то принуждение называется преодолимым, если же не может по недостатку внутренней силы, то принуждение — непреодолимое¹⁰⁷.

Человек является членом общества, его способности ясно доказывают, что он предназначен жить в обществе¹⁰⁸, которое имеет общую цель, необходимое соединение сил, требуемых для исполнения дел общественных и преодоления различных принуждений. Совместное существование людей, определяется целью и договором соединения. Автор естественного права пишет, что только благодаря взаимному согласию людей защищать друг друга против различных опасностей (принуждений) возникает договор соединения¹⁰⁹. Куницын был уверен, что именно через договор происходит то единство воли всех членов общества, которое способствует достижению ими цели¹¹⁰. Поэтому каждый член общества обязан споспешествовать общему благу по закону, изображенному в договоре соединения¹¹¹. Его борьба должна быть направлена на защиту общего блага, если возникает угроза таковому.

Борющемуся человеку необходима понятная и естественная программа, предусматривающая развитие его усилий как мыслителя-творца, создающего возможность для достижения желаемого, сообразного его умственной природе. Это особенно важно, поскольку главное начало права, по Куницыну, может быть выведено только из формы разума¹¹². Человек проявляет все свои способности и должности, восходя к высшему своему предназначению, торжеству разума. Целью естественной и понятной программы для борющегося человека должен стать правый путь к его жизненному устройству, соотносимый с культурно-историческими условиями существования общества, где всегда востребованы его борцовские усилия. В связи с этим современные ученые полагают, что Куницын органически совмещал в своих представлениях ценности традиционные (духовный уклад русского человека) и ценности, привнесенные на русскую почву, причем первые должны служить нравственными границами для вторых¹¹³. Это можно отметить как важную особенность развития «истории психологической мысли» в России начала XIX в.

Человек волен в своей борьбе, поскольку ему необходимы условия для совершенствования себя. При этом важным в теории борьбы Куницына является то, что человек действительно имеет право на все деяния и состояния в тех случаях, при которых сохраняется «по общему закону разума» свобода других людей¹¹⁴.

От рассуждений, связанных с идеей общего блага, просветитель в разделе лекционного курса «Изображение системы политических наук» поднимается до решительного протеста против безоговорочной зависимости подданных от государства. Их статус должен включать не только обязанности, но и права. Граждане независимые делаются подданными и состоят под законами верховной власти; но сие подданство не есть состояние кабалы. Люди, вступая в общество, желают свободы и благосостояния, а не рабства и нищеты; они подвергаются верхов-

¹⁰⁶ Русские просветители. Т. 2. С. 217.

¹⁰⁷ Там же. С. 229.

¹⁰⁸ Там же. Т. 2. С. 294.

¹⁰⁹ Там же. С. 55.

¹¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹¹ Там же. С. 7.

¹¹² Там же. С. 221.

¹¹³ Гагаев А. А. Русские философско—педагогические учения XVIII—XX вв.: культурно—исторический аспект / Москва: ТИД «Русское слово—РС», 2002. С. 155.

¹¹⁴ Русские просветители. Т. 2. С. 222.

ной власти на том только условии, чтобы она избирала и употребляла средства для их безопасности и благосостояния; они предлагают свои силы в распоряжение общества, но с тем только, чтобы они обращены были на общую и, следовательно, также на их собственную пользу¹¹⁵.

В психологической мысли Куницына, пишет Д. В. Иванов, явственно проступает система основных нравственных и правовых понятий и концептов, с помощью которых он описывает человека и его отношения с миром («личность», «право личности», «должности», «борьба», «разумность», «чувственность», «добродетельность»). Борющийся человек, по мнению Куницына, нравственен, а его способности и должности глубоко личностны¹¹⁶.

Таким образом, А. П. Куницын стоял у истоков формирования традиции уважения свободы, гражданских и личных прав, свободомыслия и веротерпимости, стремления служить обществу, а не власти.

¹¹⁵ Избранные социально—политические и философские произведения декабристов. Том I. Редактор Щипанов И. Я. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 1. С. 634.

¹¹⁶ Там же. С. 634.

§3. Антропологические измерения в правовых воззрениях Н. И. Тургенева и К. А. Неволлина

Среди немногочисленных имен русских правоведов, стоявших у истоков зарождения отечественной юриспруденции, встречаются полузабытые, в свое время не услышанные своими современниками и не востребованные даже при либеральных правителях. Не были в полной мере по достоинству оценены и даже отвергнуты, казалось бы, их же единомышленниками. Такая печальная участь постигла Н. И. Тургенева и его книгу — «Россия и русские». Осужденный декабристами как предательство их подвига, пишет С. В. Житомирская, отвергнутый — по разным мотивам — и правящими кругами, и последующими поколениями русских революционеров, труд этот, в сущности, долго не был известен в России. Мало того, интерес в воззрениях Николая Тургенева, возникший во второй половине XIX века у либеральной историографии и публицистики, попытка привлечь внимание к эволюционному, реформаторскому направлению в идеологии декабризма, впоследствии, в советское уже время, окончательно скомпрометировали в глазах историков и самого Тургенева и его книгу¹¹⁷.

Николай Иванович Тургенев¹¹⁸ (1789—1871) принадлежал к высшему интеллектуальному слою людей периода александровского царствования. Н. И. Тургенев, пользуясь личным доверием Александра I, делает заметную бюрократическую карьеру — сначала он помощник статс-секретаря Государственного совета, а с 1819 г. еще и управлял 3-м отделением канцелярии Министерства финансов, дослужившись до чина действительного статского советника. Вместе с тем, он продолжает заниматься исследованиями в области политической экономии и права и в 1818 году издает книгу «Опыт теории налогов», которая положила основание русской финансовой науке. Главной идеей Тургенева была отмена крепостного права. Он пропагандировал эту идею во всех обществах, в которых состоял.

К началу 40-х гг. Тургенев подготовил свой главный труд «Россия и русские». Вот как о ее содержании пишет в предисловии к ней сам Тургенев: «...книга „Россия и русские“ состоит из трех весьма несхожих друг с другом частей: первая знакомит с моей общественной жизнью — это мои личные воспоминания; вторая представляет картину нравов, политического и социального строя Российской империи; в третьей изложены мои взгляды на будущее этой империи, на приемлемые для нее учреждения и реформы»¹¹⁹.

Что может быть бессмысленнее, чем судить о значении и заслугах человека только на том основании, что он появился на свет именно в этом уголке земли (где указание на недостатки и странности соотечественников считается государственной изменой)¹²⁰.

Патриотизм в его повсеместном узком понимании (похвальба собственной страной и враждебность ко всем прочим странам) есть высшая степень эгоизма... Мириться с ним или просто поощрять его значит поступаться истиной и нравственностью¹²¹.

Действительно, есть основания думать что нравственный облик личности на девять десятых зависит от ее природы и только одна десятая определяется тем, в какой стране ей довелось

¹¹⁷ Житомирская С. В. Голос с того света. Книга Николая Тургенева «Россия и русские» — история и судьба // Тургенев Н. Россия и русские. Пер. с французского. М.: ОГИ, 2001. С. 652.

¹¹⁸ О нем: Шебунин А. Н. Н. И. Тургенев. М., 1925; Тарасов, Е. И. Н. И. Тургенев в александровскую эпоху. Самара, 1923; Семевский В. И. Тургенев, Николай Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907.; Шебунин А. Н. Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов // Декабристы и их время. М., 1929. Т. 1. С. 109—164.

¹¹⁹ Тургенев Н. Россия и русские. Пер. с французского. М.: ОГИ, 2001.

¹²⁰ Там же. С. 177.

¹²¹ Там же. С. 177.

родиться. К тому же не следует забывать, что человека создают установления того общества, к которому он принадлежит¹²².

Гораздо полезней воспитывать в людях чувство собственного достоинства, обучать их правам и обязанностям граждан, отвращать от безнравственных поступков¹²³.

Любовь к своей стране нисколько не исключает любви ко всему человечеству¹²⁴.

Зло не было бы столь велико, если бы отчуждение от родного, национального языка было присуще только незначительной кучке, составляющей так называемый высший свет; к несчастью, просвещенная часть нации разделяет этот недостаток¹²⁵.

Там, где отправление любых культов совершенно свободно, справедливо предоставить частным лицам содержать на свои средства служителей исповедуемой им веры.

Проповедь — одно из лучших средств воздействия духовенства на паству. Однако язык проповедника и манеру его обращения к прихожанам в России еще предстоит создать. На самом деле язык, употребляемый при богослужениях, язык священных православных книг, очень далек от народного разговорного языка¹²⁶.

Истина познается при помощи размышлений, рассуждений и, наконец, мысли; но чтобы открыть ее, нужен гений. Опираясь на логику и разум, мыслители могут установить, каково должно быть положение вещей при данных обстоятельствах; для этого им не нужно прибегать к опыту¹²⁷.

Третий том «О будущем России»¹²⁸ стал одним из первых развернутых манифестов русского либерализма. В первой части этого тома излагались «Общие соображения»¹²⁹, во второй части «*Pia desideria*» («Благие пожелания»)¹³⁰ рассматривались — в первом разделе «Необходимость и возможность преобразований»¹³¹ и во втором разделе «Подробности реформ»¹³². В свою очередь, во втором разделе выделялись два периода: «Реформы совместимые с самодержавием» и «Введение конституционного представительного правления». Второй период состоял из двух заключительных глав сочинения — «Формы правления» и «Принципы, которые должны лечь в основу русской конституции»¹³³. Далее представим в изложении заключительную главу книги Тургенева: «Принципы, которые должны лечь в основу русской конституции»: 1. Равенство перед законом. 2. Свобода слова и печати. 3. Свобода совести. 4. Суд равными. 5. Представительство. 6. Исполнительная власть. 7. Независимость судебной власти. 8. Принципы управления.

Когда представительный режим вводится в государстве, граждане которого прежде были в основном лишены гражданских и политических прав, эти права обыкновенно провозглашаются в основном конституционном законе — в зависимости от страны и времени он называется хартией, конституцией и т.п.¹³⁴. Конституционному закону в России можно было бы сразу дать то наименование, какое носили первые известные на Руси писанные законы, — «Русская

¹²² Там же. С. 178.

¹²³ Там же. С. 178.

¹²⁴ Там же. С. 178.

¹²⁵ Там же. С. 191.

¹²⁶ Там же. С. 192.

¹²⁷ Там же. С. 269.

¹²⁸ Там же. С. 349—480.

¹²⁹ Там же. С. 349—374.

¹³⁰ Там же. С. 375 — 400.

¹³¹ Там же. С. 377—400

¹³² Там же. С. 401—480.

¹³³ Там же. С. 452—474.

¹³⁴ Там же. С. 452.

правда». В IX веке слово «правда» означало *право*; в XIX оно означает *истину*: так пусть же сбудется таинственное пророчество и через тысячу лет *право* станет *истиной*.

1. На первом месте стоит равенство всех перед законом. Мы полагаем, что оно должно быть полным, без всяких исключений. Привилегии и преимущества, которыми пользуется сейчас сословие дворян, должны исчезнуть; дворяне станут подчиняться общему праву. Не исключено, что в конституцию можно с пользой ввести аристократический принцип¹³⁵. Совместимые с самодержавием реформы... вполне способны подготовить полный переход от привилегий к общему праву; для этого необходимо принимать на любые должности людей, которые того заслуживают¹³⁶.

2. Представительное правление, введение коего имеет целью упрочить политическую цивилизацию, которая, в свою очередь, является не чем иным, как политической свободой, предполагает возможность свободно выражать свои мысли как устно, так и печатно. Следует осознать всю глубину опасности, происходящей из отсутствия такой свободы, и подсчитать все, что теряет в материальном благополучии, умственном развитии и нравственном достоинстве народ, которому в такой свободе отказывают. Свобода слова и печати, как и любая другая, предполагает ответственность, которая должна быть определена законом¹³⁷. Суд присяжных, являющийся в обычных гражданских или уголовных делах лучшей опорой справедливости и беспристрастия, совершенно необходим в делах печати.

3. Чем священнее предмет права, тем священнее становится само право. Следовательно, власть должна как можно меньше вмешиваться в отправление гражданами подобных прав и ограничивать религиозную свободу только в случае крайней необходимости¹³⁸. Согласно принципу свободы совести, закон должен не только терпимо относиться к любому вероисповеданию, но и защищать его наравне с господствующей религией¹³⁹. Религиозная свобода должна непременно распространяться на многочисленные разветвления старообрядчества; здесь принцип свободы совести приобретает совершенно новое значение, поскольку именно здесь его применение и принесет наиболее благоприятные результаты¹⁴⁰. Свобода и, скажем прямо, конкуренция — вот что дает религиозным верованиям силу и плодотворность; монополия ведет к пустоте, оцепенению и безразличию¹⁴¹.

4. «Русская правда» признает право каждого быть судимым только равными себе и в соответствии с законами, изданными или признанными представителями страны. Суд равными непременно предполагает участие присяжных в отпращивании судебной власти. Гласность есть неизбежное следствие любой судебной процедуры; она также должна быть предписана конституционными законами страны¹⁴².

5. Итак, мы за единую законодательную палату, но при этом не считаем, что так должно остаться навеки¹⁴³. Рассмотрев число избирателей в разных странах с представительным правлением, находим, что Россия с ее населением в 50 миллионов душ могла бы доверить задачу избрания представителей одному миллиону человек. Избирательное право может основываться только на способностях, о наличии которых свидетельствует или позволяет судить род занятий, или на размере земельных владений. Я склонен считать, что сие право должно опре-

¹³⁵ Там же. С. 453.

¹³⁶ Там же. С. 454.

¹³⁷ Там же. С. 455.

¹³⁸ Там же. С. 456.

¹³⁹ Там же. С. 457.

¹⁴⁰ Там же. С. 458.

¹⁴¹ Там же. С. 459.

¹⁴² Там же. С. 460.

¹⁴³ Там же. С. 466.

деляться, прежде всего, профессией¹⁴⁴. Всякий человек может стать депутатом, если выбор избирателей остановится на нем. Исключение можно было бы сделать только для чиновников исполнительной власти имеющих большое влияние на тех, кем они управляют; последние не могут быть назначены депутатами в подведомственных им областях¹⁴⁵.

6. Основной закон, «Русская правда», непременно должен установить границы исполнительной власти¹⁴⁶. Исполнительной власти в России следует предоставить все полномочия, коими обычно наделен монарх при представительном правлении. «Русская правда» должна оговорить случаи ответственности министров и определить процедуру их обвинения и суда над ними. Случаи ответственности должны быть ограничены серьезными проступками и преступлениями, такими, как взятка, должностные злоупотребления и измена. Право обвинять министров получит, разумеется, палата представителей страны¹⁴⁷. Разумный закон о министерской ответственности оговорит случаи этой ответственности, предпишет способ действий при обвинении и на суде, укажет применяемые наказания.

7. Чтобы достойно исполнять свое предназначение, судебная власть должна быть как можно более независима. В России назначение на судебные должности во многих случаях предоставлено выборам, и эта система может и должна быть сохранена. «Русская правда» ограничится утверждением принципа несменяемости только в отношении тех судей, которые назначены исполнительной властью¹⁴⁸.

8. Наконец, «Русская правда» изложит основные принципы, сообразно которым должно быть устроено управление страной. Среди них есть один, имеющий особенно большое значение, и его закон должен назвать в первую очередь, — это принцип децентрализации. Согласно основному закону, все, что может быть сделано местными властями, должно быть сделано ими. Вслед за этим «Русская правда» провозгласит, что наряду с должностными лицами исполнительной власти, коим поручено губернское управление, возникнут выборные советы, которые станут принимать участие в управлении местном. Их смогут назначать те же лица, которые выбирают депутатов страны. Все принципы управления должны быть изложены в коренных законах государства¹⁴⁹.

Можно было бы еще продолжать обзор воззрений замечательного русского правоведа — Н. И. Тургенева — сюжет весьма благодарный, поскольку в его трудах можно обнаружить россыпи блестящих теоретических положений, практическое воплощение которых нашло через многие десятки лет. Они и сейчас могут быть восприняты отечественным правоведением, а посему еще ждут своих исследователей.

Становление юридической науки в России непосредственно связано с именем выдающегося правоведа Константина Алексеевича Неволлина. Его «Энциклопедия законоведения» получила самую высокую оценку среди русских юристов. Вышедшая в свет в 1839 г. энциклопедия долгое время оставалась единственной и непревзойденной в русской юридической литературе книгой, руководящим пособием по истории философии права в России до середины XIX в.

Константин Алексеевич Неволлин¹⁵⁰ (1806—1855 гг.) — доктор законоведения, профессор Императорского училища правоведения, ординарный профессор, декан юридического

¹⁴⁴ Там же. С. 467.

¹⁴⁵ Там же. С. 469.

¹⁴⁶ Там же. С. 470.

¹⁴⁷ Там же. С. 472.

¹⁴⁸ Там же. С. 473.

¹⁴⁹ Там же. С. 474.

¹⁵⁰ О нем: Неволлин, Константин Алексеевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907.; Неволлин, Константин Алексеевич // Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб. М., 1896—1918.;

факультета, проректор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук по отделению русского языка и словесности, член Императорского географического общества, действительный статский советник¹⁵¹.

Однако главное призвание Невалина было в научном творческом труде¹⁵². В 1839—1840 гг. вышла в свет его двухтомная «Энциклопедия законоведения»¹⁵³, содержащая общее учение о праве, историю философии права и историю положительного законоведения. Энциклопедия была высоко оценена русскими юристами — современниками Невалина и учеными более позднего времени. Прежде всего, ими констатировалось, что это первое опубликованное на русском языке оригинальное собственно юридическое произведение по философии права¹⁵⁴.

В методологическую основу своего труда К. А. Невалин закладывает два принципиально важных и определяющих для последующего развития отечественной историко-политической науки тезиса:

1) развитие идей или систем имеет закономерный характер — «следует одна из другой в необходимом порядке, ... истинное сохраняется

неизменно в течение веков и при этом каждая философская система заключает в себе истину — основные начала всех предшествующих»;

2) развитие «начал законодательства» связано с развитием философии (отсюда и название — «философия законодательства»), т.е. с наиболее общим и теоретическим контекстом интеллектуальной деятельности человечества, ибо, по мнению Невалина, «там, где вообще не представляется нужных условий для философии, мы не найдем и умозрений о законах»¹⁵⁵.

Невалин полагал, что начало систематическому изучению законов было положено древними римлянами. Позже были разделены и стали рассматриваться как самостоятельные науки философия законодательства (естественное право), государственные законы (публичное право), гражданские законы (частное право), уголовные законы (уголовное право), право народное (международное право).

Для Невалина, богослова по первоначальному образованию, философия права не могла не быть теологически ориентированной. Истинная философия, по мнению Невалина, признает бытие полным, независимым и принадлежащим одному Богу; что-либо существует истинно только в силу какой-либо связи с Божеством, в том числе и такие составляющие человеческой бытийственности, как воля, нравственность и т.д.: «...первый и высший образ бытия есть бытие Божественного существа в самом себе. Но Божество не остается заключенным в себе самом. Оно открывает себя в мире: с одной стороны, в мире физическом, с другой — мире

Невалин, Константин Алексеевич // Список гражданским чинам первых шести классов по старшинству. 1850. Состояние чинов по 20—е декабря 1849 г. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. С. 233.; Нерсисянц В. С. К. А. Невалин // История политических и правовых учений под ред. Нерсисянца. М.: Наука: 2004.

¹⁵¹ Русский биографический словарь: Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о—ва А. А. Половцова. В 25 томах. СПб.; Пг.; М., 1896—1918. Т. 11. СПб: Типография главного управления уделов, 1914. С. 179—180.

¹⁵² Существует подробный обзор мировой литературы по истории философии права, который составил выдающийся государствовед XIX века П. Г. Редкин. В конце своего обзора в виде небольшого списка П. Г. Редкин называет «главнейшие строго — систематические сочинения по истории философии права». Примечательно, что третьим в этом списке (после Штала и Варнкёнига) он указывает труды русского ученого Невалина (Мошелков Е. Н. История философии права в университетском образовании России (XIX — начало XX в.). С. 25—26.).

¹⁵³ Невалин К. А. Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений. Т.1. СПб: Типография Эдуарда Праца СПб, 1857.

¹⁵⁴ О Невалине как основоположнике философии права в России см.: Ранненкамф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. / [Соч.] Проф. Ун—та св. Владимира Н. Ранненкамфа. 2—е изд., испр. и доп. Киев: Н. Я. Оглоблин, 1880. С. 17—19; Чижев Н. Е. Очерк учений русских юристов о праве: Публичная лекция. Одесса, 1881. С. 3—4; Шершеневич Г. Ф.: История философии права 2—е изд. СПб: Издательство: Бр. Башмаковы, 1907. С. 25; Михайловский И. В.: Очерки философии права. Т. 1. Томск: Издательство: В. М. Посохин. С. 33.

¹⁵⁵ Мошелков Е. Н. История философии права в университетском образовании России (XIX — начало XX в. С. 26.

нравственном; в мире физическом без ведома и воли существ, в которых оно открывает себя, в мире нравственном — при посредстве их сознания и воли. В мире нравственном Бог открывает себя как существо бесконечно святое и праведное. Существа нравственные сознают иею правды Божественной и в своей воле осуществляют ее»¹⁵⁶.

Этим, в конечном счете, обусловлено единство мира, человеческого рода, общества, телесной и духовной природы всех людей. Законы как предмет законоведения есть, по учению Неволлина, в глубинной своей сущности не что иное, как правда (*justitia*). Идея правды коренится в бесконечной святости и праведности Бога, открывающего себя в мире физическом (природе) и нравственном (обществе), причем в мире нравственном, в отличие от физического, — через волю и сознание людей как нравственных существ. Учение о воле несет в «Энциклопедии законоведения», как и в «Философии права» Гегеля, важнейшую смысловую нагрузку для понимания начал права, закона, государства. Следует подчеркнуть, что свободная (сознательно самоопределяющаяся) воля выступает у Неволлина условием бытия правды (права, закона).

Категория правды конкретизируется Неволлиным, прежде всего, через отношения личности и общества (человечества в целом). Интересы общества при этом доминируют. В самом широком смысле правда определяется как верность одного нравственного существа целому обществу нравственных существ. Отсюда праведное (*justum*) — все то, что не противоречит такого рода общению. Соответственно, несправедным признается то, что ослабляет и разрушает подобного рода общение: «Праведным мы называем не только все то, что не противоречит свойству этого общения (с отрицательной стороны), но еще более то, что служит к сохранению и укреплению союза нравственных существ между собою (с положительной стороны); несправедным мы напротив называем все то, что ослабевает и разрушает этот всеобщий союз нравственных существ»¹⁵⁷. «Человек, как нравственное существо», у Неволлина «не есть существо единичное». «Чего хочет он, как существо нравственное? — того, чтобы существовала нравственность. При таком стремлении он сам в глазах своих значит не более как одно из орудий нравственности. Он заботится о себе только как о существе нравственном; его единичность сама по себе... ничего не значит»¹⁵⁸. Но, заботясь о нравственности вообще, а значит, и о себе как о нравственном существе, «таким же образом он заботится о раскрытии нравственной жизни во всяком другом нравственном существе»; соответственно «всякое другое нравственное существо... заботится о всех нравственных существах»¹⁵⁹. Вследствие этого люди и перестают быть единичными, чуждыми друг другу. Образуется одно нравственное общество, где бытие и деятельность каждого определяются этим целым.

Непосредственно правда осуществляется через права и обязанности субъектов общественных отношений, т.е., как разъясняет Неволлин, в отношении лиц друг к другу, каждого лица к целому союзу и каждого союза к другим подобным союзам¹⁶⁰. Эти отношения строятся на началах взаимности (эквивалента) сторон, руководствующихся заветами правды, взаимного уважения воли каждой из сторон. Воля одного лица имеет силу (власть) определять деятельность других лиц, только будучи основанной на правде. Лишь при этом условии власть «лица над лицом» может быть определена как право (право в субъективном смысле), а отношение к нему подвластного — как обязанность.

В учении о правах человека обнаруживается принципиальное несогласие Неволлина с приверженцами теории естественных прав и свобод личности. Ошибочными представлялись

¹⁵⁶ Неволлин К. А. Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений. Т.1. §13.

¹⁵⁷ Неволлин К. А. Энциклопедия законоведения. §23.

¹⁵⁸ Там же. §456.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же. §24.

ему и соответствующие концепции естественного состояния, общественного договора. Всегда сдержанный в своих оценках правовых учений прошлого, избегающий какой-либо их критики, он прямо называет все эти теоретические конструкции пагубным заблуждением. После якобинского террора особенно вредоносными и по сути разрушительными Неволин считает идеи французских просветителей. Французскую философию XVIII в. он характеризует как «направление, враждебное всем священным истинам духа человеческого»¹⁶¹. Вслед за Гегелем русский правовед убежден в том, что человек не рождается свободным. Прирожденная свобода — это «дикая воля». В нравственном же смысле для человека «существует только одна истинная свобода: свобода от своих страстей, господство над ними, определение себя из себя самого к действию по началам нравственным»¹⁶². Достигается такая самосознающая (в гегелевском смысле) свобода в ходе нравственного самосовершенствования. Подлинным достоянием человека может быть лишь то, что им приобретено в течение длительного времени трудом, сознательными волевыми усилиями, а не принадлежит ему от природы. Человек — не «мертвая машина», он должен принимать непосредственное участие во всем, что с ним происходит; «тогда действие его принадлежит действительно к числу нравственных действий»¹⁶³.

Таким образом, по Неволину, человек сам обретает свободу. Но свое подлинное «прочное» бытие права и свободы получает только в государстве. Вне государства человек вообще не может вести нравственную жизнь, а значит, вне государства ничтожны и его права. Возвышая человека над собственными его влечениями и наклонностями, государство тем самым «дарует ему истинную нравственную свободу»¹⁶⁴. Одобря эгистические взгляды Гоббса и Спинозы, Неволин возводит жизнь в государстве в священную обязанность человека. Тех же, кто предпочитает дику вольность свободе, он считает необходимым в целях безопасности принудить к нравственно свободной жизни в государстве. Правда, в отличие от Руссо, Неволин при этом не верит во всемогущество демократии, народного суверенитета, относя демократию к самым несовершенным формам правления¹⁶⁵.

В реальной истории, считает Неволин, соотношением необходимости и свободы, бессознательной и сознательной деятельности человека определяется различие законов у тех или иных народов на разных исторических этапах. Это проявляется и в формах выражения законов (источниках права) и их содержании. Проследивая постепенное образование законов со стороны их формы¹⁶⁶, Неволин следует исторической школе права. Он выделяет обычаи (сфера бессознательной деятельности), законы (сфера сознательной деятельности), а также учение «законоведцев» (в нем соединяются оба способа образования законодательства). Удельный вес каждой из форм и способов образования законодательства зависит от уровня умственного и нравственного развития общества. Полное содержание идеи законодательств раскрываются у народов постепенно.

Вслед за Гегелем Неволин различает такие ступени эволюции правовой идеи, как: семья, род (на этих ступенях законы формируются преимущественно под влиянием необходимости), гражданское общество, государство, союз народов (на трех последних ступенях — в результате сознательной деятельности человека)¹⁶⁷. Достойно особого внимания выделение Невוליным гражданского общества как определенной исторической ступени социальной эволюции. Для российской науки это была новая категория. Гражданское общество предстает у Неволлина как

¹⁶¹ Там же. §318.

¹⁶² Там же. §456.

¹⁶³ Там же. §457.

¹⁶⁴ Там же. §456.

¹⁶⁵ Там же. §456.

¹⁶⁶ Там же. §§47—58.

¹⁶⁷ Там же. §59.

«совокупность лиц самостоятельных, соединенных в одно общество для удовлетворения их частных потребностей общими силами»¹⁶⁸.

Каждый исторически последующий общественный союз (от семьи до государства и союза народов) заключает в себе, согласно взглядам Неволлина, все предшествующие. Но, с другой стороны, каждый низший союз содержит в себе, хотя бы в зародыше, все высшие. Как и в аристотелевско-гегелевской традиции понимания государства, у Неволлина весь исторический путь общественного развития теологически предвосхищен в идее государства. Оно признается первичным по своей природе по отношению к семье, роду, гражданскому обществу¹⁶⁹. В этом смысле с развертыванием именно нравственно-правовой сущности государства, по мысли Неволлина, совпадает в той или иной мере история человека и человечества. Таким образом, правовое состояние самого государства (и отношений между государствами в рамках союза народов) возводится в ранг исторически должного.

Во всемирной истории, в том числе истории законов и законоведения, все народы развивают одну и ту же идею правды. При этом один народ развивает одну ее часть, другой — другую и т. д. В результате идея правды познается в целом, и род человеческий «осуществляет ее в своей жизни»¹⁷⁰. В познании различных сторон этой идеи, необходимой для всех народов, наиболее значима роль народов Востока, Греции, Рима (древняя история), германских и славянских народов (новая история). Подчеркивая историческую миссию германских народов, Неволлин, в отличие от Гегеля, однако, не считает, что они завершают духовную работу всемирной истории. По его предположению, за пределы известной ему истории нового времени простирается назначение славянских народов¹⁷¹.

Ученик Савиньи, Неволлин акцентирует внимание на особенностях «духа народов», сменяющих друг друга в истории и одновременно существующих, хотя и на разных ступенях нравственно-духовного развития. По сути, речь идет, прежде всего, о типах (уровнях) правосознания различных народов, определяющих своеобразие их культуры, законодательства, учений о праве и т. д. Общий дух народа живет и в каждом представителе этого народа. Поэтому, в частности, хотя в государстве жизненно необходимы внешние меры охраны прав, но законы «своего» государства соблюдаются гражданами, прежде всего, по их «внутреннему побуждению»¹⁷². К духовным особенностям народов Неволлин не раз обращается в своей истории философии законодательства. Он отдает должное исторической обстановке формирования тех или иных идей и взглядов.

Проводя идеи исторической школы права, Неволлин пытался ответить на вопрос, что представляет собой право и чем оно должно быть. По существу, Неволлин строил свои доводы на понятиях старой естественно-правовой философии. Естественное право и историческая школа права в принципе были для него явлениями одного и того же порядка. Такой подход к исследованию данных явлений в философии права России нашел свое воплощение в воззрениях В. М. Гессена, Н. М. Коркунова, П. И. Новгородцева и других русских юристов. В. М. Гессен отмечал известное «сродство исторической школы с понятиями естественно-правовой философии»¹⁷³. Вероятно, по этой причине существуют различные оценки творчества Неволлина. Например, В. В. Григорьев отмечал, что Неволлин первым дал юридическим знаниям плодотворное историческое направление, образовал целую школу юристов, пошедших по его следам¹⁷⁴. По мнению М. Э. Казмера, Неволлин — основатель исторического направления в

¹⁶⁸ Там же. §78.

¹⁶⁹ Там же. §87.

¹⁷⁰ Там же. §172.

¹⁷¹ Там же. §177.

¹⁷² Там же. §34.

¹⁷³ Гессен В. М. Возрождение естественного права. Санкт—Петербург: тип. Спб. о—ва Е. Евдокимов, 1902. С. 7.

¹⁷⁴ Императорский Санкт—Петербургский университет в течении первых пятидесяти лет его существования / [историче-

правовой науке России, предпринявший поход против естественного права¹⁷⁵. Эту позицию оспаривает Э. В. Кузнецов, который считает, что до 30-х годов XIX в правовой науке России доминировало естественно-правовое направление, представителем которого был и Неволин¹⁷⁶. Последней точки зрения придерживается и Ю. В. Ячменев¹⁷⁷.

Немало способствовал Неволин укоренению в отечественной юридической науке в неразрывной связи с догмой положительного законодательства, философского и исторического методов познания правовых явлений. В единой системе теоретического правоведения он выделил в самостоятельный раздел необходимые юристу знания науки историко-правового профиля. Не одно поколение русских юристов получило доступ к теоретическому наследию величайших мыслителей прошлого — от Платона и Аристотеля до Руссо, Канта и вплоть до философии Гегеля. К энциклопедии Неволлина, в свою очередь, восходят истоки сравнительного правоведения и государствоведения.

На основе вышеизложенного можно сделать следующий вывод.

Юридическая наука фактически не получила своего окончательного оформления, как это произошло на Западе. Не появилось отличного от воли монарха правового текста, который нужно было толковать, сохранять усилиями профессиональных юристов. В связи с тем, что не было источников права, которые бы исходили не от государственной власти, рассмотрение споров о праве не отделялось от административного управления. В России не был сформирован профессиональный слой юристов. Термин «юрист» чаще применялся в смысле «бюрократ». Таким образом, восприняв византийскую идею права, Россия не сформировала сословие, профессионально ее культивирующее. Антропологический компонент и в теоретической части юриспруденции, и в правовой практике получал лишь слабые ростки. Человек оставался во власти теократической идеологии, которая оказывала существенное влияние на юриспруденцию. Это была добровольная, односторонняя рецепция византийского права на религиозной основе, что определило приоритет позитивного права над естественным и субъективным правом.

Другая особенность заключается в том, что, восприняв культурно-религиозную основу Византийского права, Россия не в полном объеме переняла его теоретическую часть (например, правовую терминологию, юридическую конструкцию и т.д.). Это объясняется тем, что православная культурно-религиозная парадигма не предполагала усвоения теоретико-правовых достижений Византии.

Важной особенностью является обращенность к человеку. Показателем антропологической ориентированности русской философии права является постоянное обращение отечественных мыслителей к следующим вопросам: что есть средство, а что цель — человек или государство, какие философские основы, ценности действительно отвечают насущным нуждам людей (являются общечеловеческими), а какие связаны с социально-политической, экономической и административной конъюнктурой правового порядка, чего стоит целостность и социально-политический престиж государства, есть единоподушие его граждан сохраняется ценой их жизни, величие для человека или человек для величия и др.

И все-таки означенный период дает лишь разрозненные сведения, составляющие представление о формировании философско-правовых идей. Это скорее предыстория философии права на Руси и позже в России. Ученческий период русской юридической науки заканчивается примерно к середине XIX в. Во второй половине XIX — начале XX в. наши ученые создают тексты, способные конкурировать с лучшими европейскими образцами, т.е. через 150

ская записка составленная по поручению совета университета ординарным профессором по кафедре истории востока В. В. Григорьевым]. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1870. С. 156—157.

¹⁷⁵ Казмер М. Э. Социологическое направление в русской дореволюционной правовой мысли. Рига: Зинатне, 1983. С. 33.

¹⁷⁶ Кузнецов Э. В. Философия права в России. М.: Юрид. лит., 1989. С. 101.

¹⁷⁷ Ячменев Ю. В. К.А. Неволин — родоначальник философии права в России // Государство и право. 1994. №12. С. 127.

лет после начала петровских реформ русская юридическая наука достигает уровня европейской, начинает развиваться синхронно с ней (благодаря свободному культурному обмену), а по отдельным направлениям даже ее опережает¹⁷⁸.

Профессиональная же разработка философско-правовых проблем, а в их русле правоантропологических, относится к XVIII — середине XIX вв. Нельзя в этой связи не согласиться с М. А. Кожевиной, которая отметила, что «отечественная юридическая наука могла зародиться лишь в то время, когда право, правовая среда приобрели системность, т.е. не ранее конца XVIII в., а точнее, середины XIX столетия»¹⁷⁹.

¹⁷⁸ Жуков В. Н. Юридическая наука в дореволюционной России: становление и соотношение догматической и фундаментальной юриспруденции // Государство и право. 2015. №2. С. 96.

¹⁷⁹ Кожевина М. А. История отечественной юридической науки и современное науковедение // Научные вестник Омской академии МВД России. 2014. №1 (52). С. 50.

Глава 2.

Образ человека в отечественных философско-правовых системах XIX — начала XX вв.

Проблема человека принадлежит к числу «вечных» проблем философии. С различного рода истолкованием природы и пониманием сущности человека мы сталкиваемся практически во всех крупных философских произведениях. Это является убедительным свидетельством того, что вопросы понимания и изучения себя, определения своего места в мире, отношения к себе и себе подобным с древнейших времен являлись предметом постоянного внимания человека. На протяжении веков расширялся круг практической деятельности человека, все новые и новые области объективной действительности становились ареной этой деятельности, все полнее овладевал он законами действительности, учился использовать их в своей практике и вместе с этим перед человеком постоянно той или иной форме вставали вопросы о сущности бытия, о смысле жизни, о цели существования в этом мире, о системе жизненных ценностей и многие другие, требовавшие и не находившие убедительного, бесспорного ответа, но человек упорно не прекращал своих исканий.

Сменялись эпохи, одни общественные устои уступали место другим, новым, и вместе с этим шло углубление человеческих знаний о мире и о себе, о своем месте в мире сегодня и о перспективах будущей жизни человечества. Объективный исторический процесс развития человека и человеческого общества сопровождался и сопровождается и дальнейшим развитием знания о мире.

Многочисленные неудачные попытки втиснуть различные направления философской мысли в рамки итого «наукоучения» привели к неотделимости философии от личности философа. «Однако это „я“ (философское, человеческое — К.У), вопреки всем ожиданиям его единообразной разумности и всеобщей трансцендентальности или экзистенциальной универсальности, оказалось своевольным, скандальным и с разительной быстротой стало продуцировать огромное многообразие пониманий, в том числе и весьма личных друг от друга. И если в науке существуют критерии их отвержения и приятия — непротиворечивость, эксперимент и др. (этим критериям могут соответствовать несколько картин реальности), то в философии таких общепринятых критериев нет. Что же остается? Вера, доверие, симпатия, мода и т. п. Философское „я“ стало предельно своевольным, и эта конкуренция своеволий скандализовала философию. Если Бога нет, то в философии все позволено. Вместо поклонения Богу Истинному началось поклонение идолам: Науке, Разуму, Опыту, Истории, Социуму, Жизни, Телу, Мифу, Экзистенции, Языку и т.п.»¹⁸⁰, — пишет С. М. Половинкин.

Процесс развития человеческого знания, понимания исторического процесса и места человека в этом процессе противоречив. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные теории, концепции, гипотезы, посвященные проблеме человека и получившие отражение в истории философской мысли. До определенного времени и соответствующего уровня развития знания об обществе и человеке значительная часть этих теорий и концепций представлялась наивной, не соответствующей действительности, ложной. Но ведь они занимают определенное место и сыграли свою роль в истории развития представлений и знаний о человеке.

Они дают богатейший материал для понимания истории знаний о человеке, для понимания той драматической борьбы, которая велась вокруг данной проблемы, отражают те трудности (социально-классового и гносеологического порядка), с которыми пришлось столкнуться исследователям феномена человека.

¹⁸⁰ Половинкин С. М. Все // Вопросы философии. 2002. №. 4. С. 37.

§1. Антропологический синопсис философии права Б. Н. Чичерина

В вышеозначенном плане примечательна судьба и творческое наследие Бориса Николаевича Чичерина¹⁸¹ (1828—1904) — религиозного философа¹⁸², правоведа, которого, по словам В. В. Зеньковского, у нас не поняли и не оценили¹⁸³. Современный автор с горечью отмечает по этому поводу: «Публикуются и статьи о Соловьеве, о Флоренском, о Карсавине, о Лосеве, о... И как-то все больше выходит — какие они были „нехорошие“, там чего-то не поняли, тут не доглядели. Я бы назвал многие исследования такого рода даже не критикой, а скорее обличительной литературой»¹⁸⁴. Значительным произведением, выдержанным в духе критики взглядов «лидера русского либерализма и видного представителя идеалистической философии и буржуазной юридической науки» (что, впрочем, и понятно в контексте времени господствовавшей моноидеологии) является труд В. Д. Зорькина¹⁸⁵.

В таких произведениях, как «Наука и религия» (1879, изд. 2 — 1902), «Мистицизм в науке» (1880), «Положительная философия и единство науки» (1892), «Основания логики и метафизики» (1894), «Философия права» (1900), «Вопросы философии» (1904), Чичерин явился проповедником неогегельянства в России. Все же в ряде существенных, основополагающих пунктов своего учения мыслитель настолько далеко отходит от Гегеля, что «надо изучать Чичерина не в том, в чем он следует Гегелю, а в том, в чем он отклоняется от него, — в решении а) проблем Абсолюта и б) проблемы человека»¹⁸⁶.

«Сильный ум, но ум, по преимуществу, распорядительный, как про него сказал Вл. Соловьев, правый гегельянец, сухой рационалист, он имел мало влияния... Для него государство есть ценность высшая, чем человеческая личность»¹⁸⁷, — пишет о нем Н. А. Бердяев. Тем не

¹⁸¹ О нем: Алексеев Н.Н. Русский гегельянец Б. Н. Чичерин // Голос. М., 1911. №1. С. 28—65.; Емельянов Б. В. Борис Чичерин: Интеллектуальная биография и политическая философия. Екатеринбург: Изд—во Урал, ун—та, 2003; Захаров А.В. Государственно—правовые воззрения Б. Н. Чичерина. Тамбов: Изд—во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004; Зорькин В. Д. Из истории буржуазно—либеральной политической мысли России второй половины XIX — начала XX в. (Б. Н. Чичерин). М.: Изд—во Моск. ун—та, 1975; Зорькин В. Д. Чичерин. М.: Юрид. лит., 1984; Искра Л. М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж: Изд—во Воронежского ун—та, 1995; Миронов Е. Е. Проблемы государства и конституции в политической теории Б. Н. Чичерина. Челябинск: Изд—во ЮУрГУ, 2005; Поборник свободы и права. Б. Н. Чичерин и социально—философская мысль второй половины XIX в. / под. ред. проф. Н. М. Аверина. Тамбов: Из—во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2003; Булычев И. И. Б.Н. Чичерин как представитель религиозно—философской антропологии // Чичеринские чтения: Материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 2001 г.) / отв. ред. А.С. Кокорев. Тамбов; Изд—во Тамбов, ун—та, 2001. С. 19—22.; Гурвич Г. Д. Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев // Правоведение. 2005. №4. С. 138—164.; Малинин В. А. Русский неогегельянец Б. Н. Чичерин // Философские науки. 1961. №3. С. 160—168.; Секиринский С. С. Б.Н. Чичерин // Российские либералы: Сб. ст. под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2001. С. 85—113.; Искра Л. М. Политические и исторические взгляды Б. Н. Чичерина: Автореф. дис... д—ра ист. наук. Воронеж, 1996; Величко А.М. Учение Б. Н. Чичерина о праве и государстве: Автореф. дис... канд. юр. наук. СПб., 1995; Зорькин В. Д. Воззрения Б. И. Чичерина на государство и право: Автореф. дис... канд. юр. наук. М., 1967; Россель Н. В. Общественно—политические взгляды и деятельность Б. Н. Чичерина по его мемуарам и трудам (у истоков российского либерализма): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1998; Кизельштейн Г. Б. Борис Николаевич Чичерин // Вопросы истории. 1997. №4. С.53—67.

¹⁸² Г. Б. Кизельштейн отмечает: «По утверждению ученого, «без философии важнейшие вопросы политической науки должны оставаться неразрешимыми». Одна лишь философия в состоянии верно осветить «вопросы о свободе, о праве, о нравственных требованиях, о существе и целях государства» /Кизельштейн Г. Б. Борис Николаевич Чичерин // Вопросы истории. 1997. №4. С. 66.

¹⁸³ Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 — х тт. М., Ростов—на—Дону: Феникс, 1999. Т. 2. С. 171.

¹⁸⁴ Паршин А. Н. Русская религиозная мысль: воз рождение или консервация // Вопросы философии. 2002. №4. С. 51.

¹⁸⁵ Зорькин, В. Д. Из истории буржуазно—либеральной политической мысли. России второй половины XIX —начала XX в.: Б. Н. Чичерин. М.: Изд—во МГУ, 1975.

¹⁸⁶ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. С. 175.

¹⁸⁷ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / под ред. А. Ф. Киселева. М.: Владос, 1999.С. 171.

менее, в творчестве видного религиозного философа имеются значительные антропологические креативы, приоткрывшие определенные горизонты в исследовании духовного мира человека. В этом плане выделяется книга «Наука и религия» (издавалась дважды, в 1879 и 1901 гг.), которая является, пожалуй, наиболее характерной для философского наследия Чичерина. Это первое и самое крупное философское сочинение мыслителя, в котором были синтезированы основные идеи его системы: исходные положения гносеологии и антропологии, этики и эстетики, философии права, философии религии, историософии. «Это главный философский труд Чичерина, — пишет Н. А. Бердяев, — представляющий целую философскую систему»¹⁸⁸. В «Науке и религии» проявилось стремление автора изложить свои собственные философские и религиозные воззрения, указать современному человеку, потерявшему и заблудшему, по его выражению, в дебрях атеизма, позитивизма, эмпиризма и материализма, единственно надежную опору — миропонимание, основанное на объективном идеализме и религиозной вере. «Вера для разума составляет... объективное начало, которое исследуется в своем существе и в своих проявлениях», — отмечает Чичерин.

Касательно антропологических интуиций философа, скажем словами В. В. Зеньковского: «Вся антропология Чичерина строится на признании того, что в человеке есть „абсолютное начало“ — и из метафизики человека вытекает для него абсолютное значение нравственного начала в человеке»¹⁸⁹. «В личности, подчиняющейся нравственно-разумному закону, — пишет Э. В. Березкин, указывая на место человека в системе воззрений Чичерина, — выделялась основа политико-правовой философии. Он показывал противоречивость духовной природы человека, определяемой в своих действиях не только добром, но и злом, и полагал, что философия права должна учесть эту особенность человека»¹⁹⁰.

Человек, указывает Чичерин, непременно ставит себе вопросы бытия; от них зависит все его воззрение на собственную жизнь, все направление его мыслей и чувств. А между тем он никак не может их разрешить. Начальные и конечные причины бытия от него скрыты, он может усмотреть лишь частные отношения, возникающие в окружающем мире, так как с точки зрения опытного знания он сам представляется не более как частное явление среди частных явлений, относительным между относительными¹⁹¹. Человек является орудием слепых сил, крупинкой, затерянной в бесконечном пространстве, случайным соединением части, причем остается совершенно непонятным, зачем этой крупинке дано сознание своего положения.

Единственным объяснением, почему человек ставит перед собой вопросы, которых он разрешить не может — о началах мира, о Боге, жизни, смерти, бессмертии и т. д. — является то, что настоящим предметом его познания выступает само бесконечное, ибо оно одно отвечает его существу и управляющим им законам. «Человек настолько человек, насколько он от конечного возвышается к бесконечному, от относительного к абсолютному»¹⁹². Развитие идеи абсолютного в человеческом сознании указывает на присутствие в человеке абсолютного начала. Это начало и есть разум, который сам не что иное, как сознание чистого, или абсолютного, закона, то есть формальной связи Вселенной. Человек определяется как разумное существо через сам признак существования сознания, причем сознания абсолютного, чего нет у животных. Животных в то же время следует относить к области конечного. Человек же предстает как сочетание конечного с бесконечным. Физиологически человек не более как завершение животного царства. Другая его сторона, духовная, показывает нам в человеке такие явления,

¹⁸⁸ Там же. С. 9.

¹⁸⁹ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. С. 168—169.

¹⁹⁰ Березкин В. Э. Философия права Б. Н. Чичерина и построение конституционного государства в России // Русская философия права: основные проблемы и традиции: Сб. материалов Всероссийской конференции, 18—19 мая 2000 г. Ростов н/Д, 2000. С. 219.

¹⁹¹ Чичерин Б. Н. Наука и религия. М.: Республика, 1999. С. 27.

¹⁹² Там же. С. 98.

которых нет у животных. «Животные ничего не знают ни о религии, ни о философии, ни о праве, ни о нравственности»¹⁹³, — отмечает Чичерин.

В России в силу ряда условий проблема человека решалась большей частью в социально-политическом, психологическом и нравственно-психологическом ключе. Человек рассматривался не как отдельно существующая особь, самодовлеющая в его эгоцентрическом противостоянии другим людям и миру, а своей сопричастности с ними¹⁹⁴, как своего рода персонифицированный микрокосм, внутренне сращенный со Вселенной. При изучении общественных явлений, отмечает философ, необходимо возвыситься до тех метафизических начал, которые в них проявляются, а последние находят полное свое выражение в высших сферах духа. «В анализе общественной жизни, — отмечает А. С. Кокорев, — Чичерин концентрирует внимание на выявлении сущности личности и общества и на рассмотрении их взаимоотношения. Определяющими факторами являются разум и воля, которые принадлежат не безличному целому, а отдельным индивидам»¹⁹⁵. Истинная сущность человеческого духа раскрывается нам, пишет Чичерин, в истории человечества; историческое же развитие человечества определяется, главным образом, развившимся в нем сознанием абсолютного, то есть философией и религией. «Благодаря ему (взаимодействию философии и художественной культуры — К.У.) мыслителям, опиравшимся к тому же на давние национально-культурные традиции, довелось стать во многом первопроходцами в прорыве горизонта абстрактного рационализма, самодовлеющего сциентизма и бескрылого утилитаризма, выдвинуть на первый план перспективу разработки человеческого духа во всем ее масштабе»¹⁹⁶, — отмечает Л. А. Коган.

Новое определение абсолютного бытия Чичерин называет Духом, источником жизни и развития. Но истинное явление духа мы, продолжает он, видим в человеке, в котором с бессознательным началом сочетается сознание, бесконечное с конечным, разум, возвышающийся к абсолютному бытию. Царство человека, возвышаясь над природой, образует целый духовный мир, который развивается на основании внутренних своих законов, в силу присущего ему абсолютного начала и который руководствуется Духом Божиим к высшему возможному для него совершенству¹⁹⁷.

Христианские догматы о существовании Бога и о бессмертии человеческой души Чичерин пытается доказать на основе рационализма. Продолжая традиции западноевропейской философии, русский философ выделяет три логических доказательства бытия Бога (онтологическое, космологическое, телеологическое) и одно нравственное. Абсолютное, или Бог, выступает как причина: 1) производящая; 2) формальная; 3) материальная и 4) конечная или, иными словами, как творческая Сила, как верховный Разум, как бесконечная Материя и как животворящий Дух. Из этих четырех определений третья причина, материальная, составляет сущность видимого нами мира. Если в материальном мире непосредственное действие Божества должно представляться чудом, то существует другая область, где это действие совершенно согласно с природой вещей. Эта область есть душа человека. «Здесь нет вечных и неизменных законов, которыми необходимым образом определяется вся последовательность душевных движений. Нося в себе абсолютное начало, человек не связан никакими частными побуждениями; он может отрешиться от всякого побуждения. Человеческая душа есть поприще свободы»¹⁹⁸.

¹⁹³ Чичерин Б. Н. Наука и религия. С. 100.

¹⁹⁴ Поскольку основные свойства, отмечает В. Д. Виноградов, анализируя взгляды Чичерина, способности человеческой души могут быть реализованы в союзе себе подобных, то индивидуальное начало есть основа человеческого общежития // Виноградов В. Д. «Социология» и «Политика» Б. Н. Чичерина // Социологические исследования. 1999. №1. С. 119.

¹⁹⁵ Кокорев А. С. Социологическое наследие Б. Н. Чичерина. С. 113.

¹⁹⁶ Коган Л. А. Русская философия как социокультурный феномен // Вопросы философии. 1988. №9. С.104.

¹⁹⁷ Чичерин Б. Н. Наука и религия. С. 112.

¹⁹⁸ Чичерин Б. Н. Наука и религия. С. 119.

В полном соответствии со своим методом трактует Чичерин и проблемы танатологии — смерти и бессмертия, которые он рассматривает в рамках религиозной и теологической антропологии. И хотя смерть представляется ему «величайшим противоречием человеческой жизни», он не склонен ее рассматривать как безысходную трагедию. Его воззрения на эти проблемы опираются на постулаты, что смерть не означает конца личного существования и между посюсторонностью жизни и потусторонним миром, в который человек вступает после смерти, есть необходимая связь. Земная жизнь индивида есть лишь «первоначальное единство» души, разума и тела. После смерти это первоначальное единство «раздваивается» на сохраняющие свое бытие (инобытие) разум и душу и обреченное на гибель материальное тело. И только на стадии «высшего единства», когда после воскресения эти «противоположности» соединятся, человек обретет подлинную полноту жизни. Главным доказательством существования души является нравственное. Философ пишет: «Исследование существа человеческой души привело нас к убеждению, что сознающий себя личный разум, заключая в себе бесконечное начало, не исчезает и не сливается с общей субстанцией, а сохраняется вечно в своей индивидуальной форме. Рассмотрение нравственного элемента человеческой жизни и управляющего ею закона подтверждает это убеждение»¹⁹⁹.

Поскольку душа есть самостоятельная непреходящая субстанция, постольку она не может исчезнуть. После смерти индивидуальный разум вступает в новую жизнь, в ближайшее соотношение с вечным миром.

Особое место в философской системе русского мыслителя занимает проблема теодицеи. Источник зла он видит не в Божестве, ибо в таком случае было бы противоречие в самом абсолютном Разуме, что немыслимо. Нравственное зло заключается в противодействии ясно сознаваемому закону, исходящему от человека. Нравственное зло есть извращение порядка. Его источник в человеческой свободе, которая позволяет ему уклоняться от установленного для него закона.

В человеке есть два противоположных начала: разумно-нравственное и чувственное. Если первое начало дает индивиду сознание всеобщего закона, связывающего его со всеми разумными существами, и позволяет ему действовать на основании этого закона, то второе — ориентирует его на получение удовольствия, которое часто может идти вразрез с требованиями нравственного закона. Таким образом, индивидуальный разум оказывается в состоянии противоречивой раздвоенности: сознание им всеобщего закона противостоит осознанию себя как единичного существа, что и представляет собой потенциальный источник зла²⁰⁰. «Тот момент, — указывает философ, — в котором эта самостоятельность, признавая себя исключительным началом, ставит себя в противоречие с общим законом, есть явление зла. Становясь на эту точку зрения, человек отрицает свою собственную, внутреннюю сущность, те вечные и бесконечные начала, которые лежат в основании его природы, как разумного существа»²⁰¹.

Когда человек выходит из подчинения общему закону и, раздвоясь внутри себя, ставит личные цели выше общих, он не может ссылаться на то, что не ведал, что творил. Это извращение его природы есть его собственное дело или акт свободы. Он волен нарушить закон, но он также волен ему подчиниться. Разумное существо есть вместе с тем свободное существо. Оно исполняет нравственный закон не в силу естественной необходимости, а на основании собственного своего разумного решения. От него зависит исполнить закон или уклониться от него. Все это исходит из самого понятия о разумно-нравственном существе. Однако Чичерин убежден, что возможность свободного выбора (поступать в соответствии со всеобщим законом или ради собственной выгоды) есть важнейшее требование Разума, его безусловный импера-

¹⁹⁹ Там же. С. 177.

²⁰⁰ Там же. С. 135—136.

²⁰¹ Там же. С. 136.

тив. В философии права Чичерина, указывает М. Д. Фоминская, нравственный закон зависит от свободы человека, его выбора, а государство, гражданское общество зависят в свою очередь, от этого лично свободного творчества²⁰². Схожую мысль находим у другого современного исследователя: «реализация человеком своей свободы в социальных отношениях и означает конституирование правопорядка, т.е. такого порядка, при котором существует совокупность условий, реально обеспечивающих свободу человека в обществе»²⁰³.

Допущение присутствия в человеке двух противоположных начал — конечного и бесконечного — объясняет, по Чичерину, его свободу. «Человек может считаться свободным единственно вследствие того, что он носит в себе абсолютное начало, а потому способен быть абсолютным источником своих действий»²⁰⁴, — указывает мыслитель. Свобода вытекает из метафизической сущности человека: чтобы постигнуть ее существо, необходимо от относительного возвыситься до абсолютного. Свобода и неразлучная с ней свобода, неизвестные животным, составляют самое существо человеческого духа, а потому входят как определяющие начала во все человеческие отношения.

Нравственная жизнь невозможна без понимания человеком своей греховности и необходимости раскаяния. Здесь велика роль философии. Она, правда, не в силах вывести человека из греховного состояния (это дело религии), но благодаря ей индивид с почти математической точностью приходит к пониманию своей виновности перед нравственным законом. Философия, следовательно, обосновывает моральную ответственность личности. Поскольку люди духовно едины, то заслуги одних искупают грехи других; отсюда логически вытекает высокое нравственное значение добровольной жертвы, которая одна способна примирить правосудие и милосердие. Искупительная жертва Иисуса Христа, по его мнению, — яркий пример синтетического проявления законов разума и божественной милости.

В этике Чичерин ближе к Канту, чем к Гегелю, поскольку признает абсолютное значение личности и учит «метафизической сущности» человека. Поэтому и учение о свободе у него связано с понятием личности. Однако, «стремясь избежать „сползания“ к субъективизму и волюнтаризму, Чичерин ставит проблему ограничения и гуманизации индивидуализма, разрабатывая учение о свободе и нравственности»²⁰⁵. Смысл свободы человека, реальность которой утверждается непосредственным чувством, заключается в возможности для человека возвышаться к сознанию безусловной своей сущности и, тем самым, — к сознанию своей независимости от чего бы то ни было, кроме самого себя. Человек может считаться свободным, повторимся, единственно вследствие того, что он носит в себе абсолютное начало²⁰⁶.

Исходя из этих посылок, Чичерин развивает учение о свободе воли, которое важно для понимания, как права, так и самой личности. Источник права, как и нравственности, коренится в свободе, которая свойственна природе человека, является его метафизической сущностью. Человек, безусловно, нуждается во «внешней свободе», которая состоит в независимости лица от чужой воли, потому что он «внутренне свободен». Право и есть, по Чичерину, выводимая из законов разума мера «внешней свободы».

Человеку как личности присуще неотъемлемое стремление к общению с другими людьми при непрерывном расширении своей свободы. Из этого вырастает принцип права, которое Чичерин определял как взаимное ограничение свободы под общим законом. Право есть совместное существование свободы под общим законом, — отмечает Чичерин. — В противоположность нравственности, здесь свобода составляет коренное начало, а закон является только

²⁰² Фоминская М.Д. Христианские ценности в русской философии права // Философия права. 2014. №5 (66). С. 12.

²⁰³ Пристенский В. Н. Человек и право: симметрия мест // Право и образование. 2015. №3. С. 7.

²⁰⁴ Чичерин Б. Н. Наука и религия. С. 140.

²⁰⁵ Кокорев А. С. Социологическое наследие Б. Н. Чичерина С. 113.

²⁰⁶ Чичерин Б. Н. Наука и религия. С. 137—139.

средством для осуществления этого начала. Поэтому закон здесь ничего не предписывает; он только позволяет все, что совместно со свободой других. Даже нравственные начала не имеют тут силы: действие безнравственное может быть правомерно»... В целом, его концепция права не выходит за рамки классического либерализма. Он убежден, что люди равны лишь на уровне своей «метафизической сущности», во всем остальном они не равны, поэтому он защищает лишь формальное (правовое) равенство и оправдывает материально-экономическое неравенство людей. «Все естественные определения ведут к неравенству, а так как эти определения дают содержание человеческой деятельности, то право, рядом с формальным равенством, признает материальное неравенство»²⁰⁷.

Главной заслугой Чичерина в истории русской философии права была защита свободы личности. Учение Чичерина о личности определялось преимущественно его этическими взглядами: «Личность не есть только мимолетное явление, а известная, пребывающая *сущность*, которая признает своими вытекающие из нее действия — в прошедшем и будущем. Но этим самым личность определяется как метафизическое начало. *Права и обязанности личности превращаются в чистейшую бессмыслицу*, если мы не признаем единства личности, если она сводится для нас к ряду меняющихся состояний. Личность есть сущность единичная. Это не общая сущность, разлитая во многих особах, а сущность, сосредоточенная в себе и отдельная от других, как самостоятельный центр силы и деятельности»²⁰⁸ (9, с. 414).

В основе всех теоретических построений права Чичерина о сущности личности лежит признание того, что в человеке есть «абсолютное начало»: «...человек, по природе своей, есть существо сверхчувственное или метафизическое, и как таковое, имеет цену само по себе и не должно быть обращено в простое орудие. Именно это сознание служит движущей пружиной всего развития человеческих сообществ. Из него рождается идея права, которая, расширяясь более и более, приобретает, наконец, неоспоримое господство над умами»²⁰⁹. Вместе с тем, твердо защищая права личности, Чичерин связывал с этим идею «порядка» и сознательно отстаивал твердую власть, решительно и резко осуждая все проявления революционных настроений.

Репродуцирование философско-правовых воззрений Б. Н. Чичерина в их антропологических основаниях позволяет говорить о том, что нужно качественно-смысловое, а не только количественно-инструментальное освоение стихийных процессов роста знания. Нужен возврат к философии, и в виду нарастания в сознании людей тенденций к самоотрицанию, консервативному философствованию в лучших его традициях. Завершить краткий очерк об антропологических интенциях Б. Н. Чичерина хочется словами современного автора: «Многие базисные категории философии придется признать утратившими силу, однако, мы не должны торопиться считать их изначально ложными. То, что обсуждалось и „работало“ сотни лет, нельзя квалифицировать как недоразумение и чью-то субъективную ошибку. Нарциссическая пляска на костях классической философии, которой предаются модные постмодернистские авторы, контрпродуктивна, не говоря о ее моральной стороне»²¹⁰.

²⁰⁷ Там же. С. 142.

²⁰⁸ История философии права. С. 144.

²⁰⁹ История философии права. С. 414.

²¹⁰ Кутырев В. А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного мышления) // Вопросы философии. 2002. №9. С. 71.

§2. Правоантропологические парадигмы философии права С. Л. Франка

В своей «Истории русской философии» В. В. Зеньковский называет С. Л. Франка «самым выдающимся из русских философов вообще — не только среди близких ему по идеям». «Мы имеем в произведениях Франка, — продолжает он, — очень стройную, продуманную систему, только по вопросам эстетики, да по философии истории он ограничился случайными замечаниями. Но логика, гносеология, метафизика, антропология, этика разработаны им (в духе метафизики всеединства) очень глубоко, с превосходным знанием основной литературы»²¹¹.

Действительно, Франк²¹² — философ многогранный, многоплановый — занимался проблемами бытия, познания личности; философским осмыслением религии, проблемами философской антропологии и социальной философии. «Неоценимая заслуга Франка, — указывает в другом месте В. В. Зеньковский, — заключается здесь в том, что и в гносеологии, и в метафизике, и в антропологии, и в этике он выразил систему всеединства с предельной четкостью и силой»²¹³.

В его наследии можно выделить три основных аспекта, связанные с антропологическими дискурсами — человек и культура (кризис современной культуры и поиски выхода из него), человек и бытие (проблемы бытия и бытийственности человеческого существования), человек и Бог (вера, смысл жизни и поиски путей спасения). «Основная тема русской мысли начала XX в., — отмечает Бердяев Н. А., — есть тема о божественном космосе и о космическом преображении, об энергиях Творца в творениях; тема о божественном в человеке, о творческом призвании человека и смысле культуры; тема эсхатологическая, тема философии истории. Русские мыслили о всех проблемах по существу, как бы стоя перед тайной бытия, западные же люди, отягченные своим прошлым, мыслили о всех проблемах слишком в культурных отражениях, т. е. в русской мысли было больше свежести и непосредственности. И можно установить что-то общее между богоискательством в народной среде и богоискательством в верхнем слое интеллигенции»²¹⁴. Безусловно, прав в этой связи И. А. Ильин, который указывал, что учение Франка о взаимоотношении реальности и человека — «это система онтологии, общего учения о бытии, пропущенного сквозь призму метафизической антропологии»²¹⁵. На восприятие Франком персоналистических идей большое влияние оказали такие авторы, как М. Шелер, М. Бубер и Ф. Эбнер. Феноменологическое разворачивание этих идей, их интеграция в онтологию всеединства составляют заслугу самого Франка²¹⁶.

Конечно, Франка с большой долей условности можно назвать философом права, тем не менее, у него есть замечательные идеи, касающиеся правовой проблематики, в частности, прав человека.

«Первую форму метафизического обоснования личности и ее прав, — пишет современный исследователь, — он (Франк — К.У.) заимствует у В. Виндельбанда: это различие эмпирической и трансцендентальной личности, при котором эмпирическая личность счита-

²¹¹ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. С. 449—474.

²¹² О нем: Вышеславцев Б. П. Рецензия. С. Л. Франк. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Paris: YMCA Press 1930; Буббайер Ф. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. 1877—1950. М.: РОССПЕН, 2001; Русский биографический словарь: Изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о—ва А. А. Половцова. В 25 томах. СПб.; Пг.; М., 1896—1918. Т. 11. СПб: Типография главного управления уделов, 1914. С. 179—180.; Русская философия: малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 561—665.

²¹³ Зеньковский В. В. Учение С. Л. Франка о человеке. // Франк С. Л. Человек и реальность. М.: Республика, 1997. С. 437.

²¹⁴ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 260.

²¹⁵ Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 563

²¹⁶ Элен П. Философия «мы» у С. Л. Франка // Вопросы философии. 2000. №2. С. 58.

ется частью или участником трансцендентального Я, и поскольку признается священной, рассматривается как самоцель, а не как средство»²¹⁷

²¹⁷ Аляев Г. Е. Метафизика прав человека в трактовке С. Л. Франка // Историко—философский ежегодник. 1998. С. 243.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.